

Ольга
Андреева

НА ПТИЧЬИХ ПРАВАХ

Ольга
Андреева

НА
ПТИЧЬИХ
ПРАВАХ

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

*Ольга
Андреева*

НА
ПТИЧЬИХ
ПРАВАХ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А 655

*Издано при финансовой поддержке
Министерства культуры РФ
и Союза российских писателей*

Андреева О. Ю.

А 655 На птичьих правах / О. Ю. Андреева. – СПб.: Алетейя, 2018. – 278 с.

ISBN 978-5-907115-40-8

Восьмой поэтический сборник Ольги Андреевой включает произведения последнего десятилетия, отражая в полной мере его динамичность, эмоциональную насыщенность и непредсказуемость. Поэзия для автора – средство найти маленький плацдарм радости на этом жестоком театре военных действий. Тут не может быть иных благотворных рецептов, кроме обращения к беззащитной и всесильной красоте, и символ ее, давший название книге – птицы, взгляд на которых почти неосознанно смешан с лексикой нашей суматошной цивилизации. Название сборника подчеркивает его смысловую многозначность, право автора на свободу от заданности, от шаблонности стиля и настроения. Многозначная метафоричность естественно связана с живым, острым, парадоксальным впечатлением от мира, дух Диделя-птицелова, стихийного поэта, царит на страницах сборника. Увидеть, принять, поделиться, увеличивая этим остров стабильности, территорию любви – главный для автора принцип поиска лучшего в нас и для нас. Нерв книги – поиск чистого от лжи пространства, а разноплановость стихов – от потока сознания до великолепной буколки – усиливает впечатление.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-907115-40-8

9

© О. Ю. Андреева, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

**«В каждой луже – Венеция.
Истина в каждой погоде».**

О поэзии Ольги Андреевой

«Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмещивается в его настоящее. Существуют, как мы знаем, три метода познания: аналитический, интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки – посредством откровения. Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя (тяготея преимущественно ко второму и третьему), ибо все три даны в языке; и порой с помощью одного слова, одной рифмы пишущему стихотворение удается оказаться там, где до него никто не бывал, – и дальше, может быть, чем он сам бы желал.»

ИОСИФ БРОДСКИЙ

Не могла удержаться, чтобы не привести эту развернутую цитату из Нобелевской лекции Бродского. Поистине, только человек, изнутри понимающий процесс стихосложения, мог сравнить методы познания с процессами, происходящими в момент возникновения поэтического произведения. «...Интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки – посредством откровения». Этимология слова «стихотворение» – творение стихийного характера. Иногда – это землетрясение, разрушительное и слепое, а порой – капли весеннего дождя и восход солнца. Это зависит от степени таланта, то есть от способности поэта услышать, принять и преломить в литературную форму импульсы, получаемые им извне.

Поэзия в переводе на немецкий – die Dichtung. Но в словаре это значение обнаруживается лишь в статье под номером 2. А первым, изначальным его смыслом является слово «уплотнение». Интересно? Да, иной язык, иное восприятие мира. Уплотнение реальности, ее ступок, ее квинтэссенция. Учившийся в Гейдельбергском университете Осип Манделштам органично воспринял эту грань философии поэтического творчества, отсюда: «Зрелище математика, не задумываясь, возводящего в квадрат какое-нибудь десятизначное число, наполняет нас некоторым удивлением. Но слишком часто мы упускаем из виду, что поэт возводит явление в десятизначную степень, а скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно уплотненной реальности, которой оно обладает» («Утро акмеизма»).

Но довольно теоретизирования. Тема моего очерка – творчество поэтессы Ольги Андреевой, произведения которой открывают читателю сложный и многоцветный мир, мозаику чувств и восприятий.

«В каждой луже – Венеция. Истина в каждой погоде.
Ты и правда со мной? Так держись глубины и не бойся!
Я поверю тебе, что и впрямь от меня происходят
безутешная радость и непоправимая польза».

Если бы мы научились видеть этот «другой» язык, мы бы увидели примерно то же, что видит, например, замечательный фотограф Инна Глик в лужах Петербурга – свой, отраженный, преломленный Петербург. Мир поэзии Ольги Андреевой – живой, населенный, говорящий с нами на своем, может быть, сначала и не совсем понятном языке. Этот мир надо познавать, разгадывать, проникать в сложность его образов, прислушиваясь к себе и к своему, уже наработанному образному ряду. Процессу понимания порой мешают «соринки» в форме несовершенной или далеко отодвинутой рифмы, но терпеливый читатель будет вознагражден. В отличие от прозы, поэзия нуждается в читателе, не столько понимающем ее на уровне контекста, сколько оказавшемся в точке совпадения вибраций. Осип Манделштам в своем «Разговоре о Данте» призывает

«слушать» сложное произведение поэта как оркестр, и тогда «...мы бы нечаянно окунулись в силовой поток, именуемый то композицией – как целое, то в частности своей – метафорой, то в уклончивости – сравнением, порождающий определения для того, чтобы они вернулись в него, обогащали его своим таяньем и, едва удостоившись первой радости становления, сейчас же теряли свое первородство...». Так, стоя перед наивно-философскими полотнами Шагала, каждый из нас видит лишь то, что на основании накопленного эстетического опыта отзывается в душе.

«Родной хризантемовый запах
опять возвращается в город –
наверно, из рая. Погода
и правда сегодня такая,
в волошинские пейзажи
туман обращает предгорья.
В его пустоту и свободу
покорно и грустно спускаюсь...»

Чистая прелесть этих строк – именно в незатертости образов и сближений, в каждом восьмистишье этого стихотворения Андреевой различимы аллюзии и проекции человека эмоционального и восприимчивого. Ценность этих «агатов» в их многоплановости. По этим строчкам не скользнешь взглядом, они интригуют пытливого, но раздражают ленивого, как и поныне раздражает великий Осип Мандельштам «нелюбопытного» читателя. Много ли из написанного им можно понять с помощью формальной логики? Но именно о нем сказала Анна Ахматова «...кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама!». Я далека от мысли сравнивать творчество нового для меня (хотя и, несомненно, талантливого!) автора, Ольги Андреевой, с поэтом, создания которого – являются лучшим из того, что могло случиться в нашей литературе. Однако, и не заметить творчества Андреевой было бы, по меньшей мере, странно, а отметить его как «непонятное» – опрометчиво.

Я приеду в июне –
и пусть это будет паролем,
словно крюк на заброшенной вверх, на зацепку, верёвке,
по которой сумеем добраться.
Конверт бандероли
доплывёт, как кораблик – всего-то осталось дней двадцать.

«Я приеду» – как будто бы это хоть что-то решает,
как залог радикального и несомненного лета,
Пусть гора не пришла к Магомету – оранжевый шарик,
улетая, не тает – и это надёжней билета.

Я приеду. Я сяду на грустный безрогий троллейбус,
заблудившийся месяц назад в голубом переулке.
По изнанке души белой ниткой заштопанный ребус
разгадаем вдвоём ранним утром на улице гулкой.

В каждой луже – Венеция. Истина в каждой погоде.
Ты и правда со мной? Так держись глубины и не бойся!
Я поверю тебе, что и впрямь от меня происходят
безутешная радость и непоправимая польза.

Ну к чему – в сумасбродном, нелепом, разорванном мире
одуванчики звёзд – ярко-жёлтых и белых, созревших?
Пусть ни разу ещё дважды два не равнялось четыре –
мне хватает и двух – параллельно петляющих рельсов.

Кипарисы парят, подавляя своим благородством,
пересмешник-ручей, растворивший печали долины.
Перейдём – дорастём до границ настоящего роста,
без наивной копеечной злой суеты воробыной.

Желторотая улица утро встречает прохладой,
на балконах дрожащая радуга детских колготок.
Осторожней на третьей ступени минорного лада,
не шути с невесомостью. Можно взлететь где угодно –

в школьном зале, пропахшем стоячей водой батареейной,
у рояля без струн и без верхних пластинок на белых

разгадаем дыхание левого берега Рейна
и фонтан под дождём (тавтология!) – в пальчиках беглых.

Ничего, что антенны развёрнуты мимо эфира –
да о чём говорить, если мы бесконечно знакомы?
Верить снам и приметам, параметрам внешнего мира –
всё равно что ключи подбирать, когда ты уже дома.

Не тупик – просто узкий и длинный кривой переулок.
Он зарос лебедой, крапивой и корявым забором.
Всё срastётся. Опасное место для пеших прогулок –
но ручей-то течёт. Вдоль по руслу – и вырвемся скоро,

и возьмём хоть на время без спроса автограф у лета –
чтобы травы, цикады и диск апельсиновый лунный,
чтобы в маленькой церкви на Троицу – «многая лета»
сквозь магнитные боли земли. Я приеду в июне.

Восприятие этого большого стихотворения требует «длинного дыхания». Столь «круто замешанный» образный ряд, нагромождение образов, не делают тем не менее эти катрены «заумью». Полупрозрачное стекло кристаллов доносит то, что хотел сказать автор, не напрямую, а преломляясь по пути в сотне других граней.

И если вы научитесь ощущать гармонию «непонятных» стихотворений, по праву станете счастливым, всякий раз открывающим для себя новую планету в Галактике под названием Поэзия.

Наталья Борисова, поэт и переводчик

1.

*Они не знают зеркал,
Их отраженьё – полёт.
Жа волглых пролежнях скал
небесной манны склюёт –
и вновь вольна и легка,
что в ней? – всего ничего.
От сильных мира сего –
к счастливым мира сего.*

* * *

Лес рубят – щепкой улетаю,
полёт – прекраснейшее время,
короткое – но сколько смыслов –
когда подхватит щепку ветер,
когда очнётся в ней Скиталец,
эгрегор срубленных деревьев,
туман подсвечен коромыслом –
расслабься и лови просветы

сквозь вавилоны революций.
Что вы хотите от блондинки?
Везёт нас под Червону руту
шофёр с георгиевской лентой,
поскольку неисповедимы
пути миграции оленей,
и ассирийцы в медных шлемах
склонятся низко над суглинком

чуть выше верхнечетвертичных
делювиальных отложений,
и, не учтя мой опыт личный,
меня назначат первой жертвой.

* * *

Там, волнуя траву, мягко стелются овцы,
сами – волны, опаловы, пеги, черны,
и невинны... Их суть – из бесчисленных опций –
там, где стелются овцы – нам не до войны.
Где в зените акации отяжелели
знойным маревом, и опоили июнь,
воздух гуще, и овцы плывут еле-еле
по летейским волнам, и неслышно поют,
в серебре встань–травы, в сонмах ласковых духов,
с детским сонным доверьем левкой звенят,
отголоски беды не касаются слуха
и не тронут тринадцатидневных ягнят.

Над равнинной рекой – к водопою – склониться
и протечь вдоль неё чуть повыше – туда,
где не так безнадежно чернеет вода
и ещё пробивается свет сквозь ресницы...

* * *

В огороде бузина,
а в Киеве сектор.
Надо вычерпать до дна
этот горький вектор.

Здесь мы ляжем, но пройдем,
связанные кровью,
всё, чего не смыть дождём,
спрячем в изголовье,

что не вытравить в душе
даже автомату,
что прошло на вираже
через ридну хату.

А в Киеве Бузина...
Омутом дурного сна,
символом инферно
слабонервная весна –
Русская, наверно.

Дошепчу свой дикий стих
мёртвыми губами,
ворд поправит, бог простит,
прокурор добавит,

люди цену назовут
ломаному грошу,
с головы платок сорву –
им под ноги брошу.

Автобус Ростов–Одесса

Золотые подсолнухи, тряска разбитых дорог,
серебристой маслины дичок раскудрявил пространство.
Это родина, мама, любовь, это дети и бог,
всё моё, всё, чем держится мир, соль его постоянства.
Павиличьего цвета растрескавшиеся дома.
Я вольна не спешить, не мудрить, быть блаженно неточной.
Но с другой точки зрения эта свобода – тюрьма,
значит, буду держаться подальше от названной точки.

Факты – вещь не упрямая, нет – их довольно легко
размешать, измельчить, выпечь с корочкой, сдобрить корицей,
но всегда горьковато у дикой козы молоко,
и всегда виновата от всех улетевшая птица.
А в разреженном воздухе пули быстрее летят,
это если – в горах, там и мысли мелькают быстрее,
а в степи – зависают... Лишь дикий горчит виноград...
С точки зрения ангела – быстро летим. Всё успеем.

* * *

В резиновом автобусе веселье.
Ты пробку, давку, сам себя прости.
В своих больших, распахнутых и серых
всего и не пытайся уместить.

С тех пор, как люди изгнаны из рая,
вот так и ездим – а кому легко?
Младенцы с крокодилами играют,
и Ромул пьёт волчицы молоко.

Как правду режут – в украинских, в русских –
на лживые газетные листы –
в своих весёлых, чёрных, умных, узких –
не фокусируй, сплюнь, перекрестись.

В своих зелёных, влажных и раскосых
не отражай чужого торжества,
ведь каждый мелкотравчатый философ
тут состоит из антивещества.

Не красота спасает мир, а зрячесть,
не слушай – просто жми на тормоза,
пока не отразилась сверхзадача
и счётчики кровавые в глазах.

* * *

Я с годами сильней привязалась к Итаке –
я вольна иногда выбирать несвободу –
от чего захочу – в том и смысл, не так ли –
нам решать, кто нас радостно встретит у входа.

Полный дом переломанных стереотипов,
в нём и жить невозможно – немного традиций
всё же надо оставить – иначе увянет
и цветок на окне и гирлянда на ёлке
(не пора ли убрать?) – ну ещё полстраницы...

Полстраницы всего – и на выход с вещами,
душу тянет в воронку – не спрячешь, не скроешь.
Мне моя голова ничего не прощает,
мы по разные стороны линии фронта,
объявила войну, скоро вовсе забанит,
будут добрые ангелы в белых халатах,
затворюсь под живучей, как кошка, геранью,
чтобы весь этот мир объявить виноватым.

Vita brevis, а прочее – спорно, неточно.
Каждый день собираю себя из кусочков,
на которые ты меня к вечеру крошишь,
я срastaюсь всё дольше, теряются пазлы,
так и лезут, царапая, злые лушпайки –
нелегко отделяются зёрна от плевел,
плач дельфина – два вдоха и выдох – попробуй,
да помогут дельфины пройти этот левел.

Поэт в своём отечестве

«Я пятая ваша колонна,
незыблемая и сквозная,
в прогнившей с фундамента башне –
на мне ещё держится небо,
во мне ещё теплится слово,
я смыслы забытые знаю
и буду цепляться зубами
за боль, уходящую в небыль –

в Лумбини, на родине Будды,
в Гранаде, на родине Лорки,
у южной границы России,
которую жаждут подвинуть
срывать ваши фантики буду,
всю мерзость культурного слоя...»
А небо хлестнёт парусиной.
Простреленный небом навывлет –

он был мудаком и поэтом,
поэт оказался сильнее
и выдохнул чистое, злое
и трезвое – прямо навстречу
и граду, и миру, и лету,
и всем, кто восторженно блеял,
рифмуя циклоны и лоно,
утешены собственной речью.

Но он уступил под напором
неопрровержимых улиток –
нас лучше не сталкивать лбами,
а выждать – когда же отпустит...

Поэма есть маленький подвиг –
но вряд ли попытка молитвы.
В ней смыслов – как снега за баней,
найдёшь, как младенцев в капусте.

Читатель дуб дубом – но крепок,
плюс дырка в иммунной системе –
поэтому склонен к фашизму –
но вряд ли готов согласиться
с такой оговоркой по Фрейду –
дозируйте темы поэмы
в разумной пропорции с жизнью,
слоняясь в берёзовых ситцах.

* * *

Катерок пожарный на закате
так придирчив к тлеющим огням.
Солнце в реку падает – не хватит
вашим шлангам метров, сил ремням,

уберите рукава брезента –
Дон несёт к небесному огню,
слишком сильно смещены акценты
в радости троянскому коню.

Прилетает ангел-истребитель –
страшен, да не воду пить с лица,
наступили мартовские иды –
и с тех пор не видно им конца.

Ева

Всех и дел-то в раю, что расчёсывать длинные пряди
и цветы в них вплетать. У Адама ещё был треножник,
он макал рысью кисть – и стремительно, жадно, не глядя
создавал новый рай – и меня. Он пытался умножить,
повторить... Мы – не знали. Кто прятал нас? Вербы? Оливы?
Просыпались в лугах и под ясеневым водопадом,
не твердили имён и не ведали слова счастливый,
ничего не боялись – в раю не бывает опасно.

Там, где времени нет – пить на травах настоящий воздух...
Я любила рысят, ты любил пятистопный анапест,
лягушачьи ансамбли и тех кенгуру под берёзой.
Мы не знали, что смертны, и даже что живы – не знали.
Быль рекою текла, вряд ли я становилась умнее,
наблюдая, как птицы отчаянно крыльями машут,
огород городить и рассаду сажать не умели –
а в твоём биополе цвели васильки и ромашки.

Но закончилось детство – обоим вручили повестку –
и с тех пор мы во всём виноваты, везде неуместны.
Мы цеплялись за мир, за любую торчащую ветку.
Нас спасёт красота? Ты и правда во всё это веришь?
Все кусались вокруг, мы старались от них отличиться....
Кроме цепкости рук – только блики недолгого счастья.
Корни страха длиннее запутанных стеблей свободы.
Только в воздухе что-то – пронзительно-верно и больно...

* * *

Саламандры лесов подмосковных ещё не натешились.
Под снегами торфяники тлеют, шевелятся волосы
буреломов, сгоревшие звери, русалки да лешие
колобродят в ночи, да горельника чёрное воинство...
Мир языческий – ладный, отзывчивый – мимо проносится,
наши скорости не допускают прислушаться к дереву,
отразиться в ручье, дожидаясь, пока мироносицы-
фитонциды летучие снова живым тебя сделают.

Все мы тут погорельцы. Растоптано и исковеркано,
что росло и струилось, цвело, ошибалось и верило.
Жаль побегов – в тени, где ни солнца, ни смысла, ни вечности –
тоже ведь веселы и беспечны, наивны и ветрены.
Ждать добра от добра в этой дикой чащобе заброшенной?
Да кому тут нужны наши дети с открытыми лицами.
Перегретый город простит несуразность прохожему
с неумной нелепой неумной гражданской позицией.

Нам к лицу Исаакий – отнюдь не теплушки вагонные.
Всякий храм – на крови, если сора из храма не вынести.
Небо держат атланты, мы их заменили колоннами –
но они усмехнулись подобной дикарской наивности.
Нашим рыжим опять биографии славные делают,
повторяется фарс белой ниткой прошитой истории.
Здесь останется лес и бельчонок в ладонях у дерева –
звонким цокотом, лёгким метанием в разные стороны...

* * *

Где же дяди и тёти, которых я видела в детстве?
Те же девочки, мальчики – что же я с ними на вы?
Эти бороды, эти седины, морщины... Вглядеться –
все, кому я так верила раньше,
похоже, волхвы –
не волшебники, просто учёные –
опытом жалким,
(был бы ум – меньше опыта было бы...)
Веки красны –
значит, завтра зима обнажит прописные скрижали
и к земле пригвоздит. Чё мы ждём-то? Растущей луны?

«Осторожно, ступеньки» –
внезапно в музее. Спасибо,
очень вовремя, всюду Италии тают холмы...
...И кофейник внести, белой шалью прикрыв от росистой,
зыбкой зорьки свой мир –
тихий завтрак во время чумы.
И пока под ковром обостряется драка бульдогов,
пробираясь под брюхом баранов, я к морю прорвусь,
быть в плену у баранов забавно, но очень недолго...
Сыр сычужных сортов я не ем, но не жить же в хлеву.

Беззащитные красные веки у женщин Ван Дейка –
это не обо мне,
я гляжу исподлобья в упор,
в этой цепкости рук, хоть и слабых, уверена с детства –
не отвертишься, вместе,
подумаешь – там светофор ...
Жизнь становится слишком короткой –
была бесконечной.
Нервным кончиком ветка вцепилась

в последний листок,
просчитавший лекало своей траектории встречной –
что с того, что циклону на запад.
Ему – на восток.

* * *

Свет не сходится клином – он в принципе создан иначе
и заточен под веер, порой уступающий тени –

тот, японский..

раз клетка открыта, а птица внутри – это значит,
ей не надо летать, хоть могла бы по праву рожденья.

Водопады отчаянья льются с висков по гортани.
Да с чего бы? Поглубже вдохни, можжевательник утешит.
Капиллярный подсос метафизики из подсознания
снизойдёт к нелогичным весёлым русалкам да лешим.

Ради цельной картины пришлось пренебречь мелочами –
и состарились. Мелочи, в принципе, делают детство,
в смысле – радость... Осталось расталкивать пипл плечами –
дежавю, повторяемся. Пройдено, некуда деться,

чистый Чехов кругом, торжество несмешного закона,
и сама-то не лучше – иду, где протоптано – жутко,
и уже на последней секунде бегу на зелёный –
мне в награду за дерзость подходит восьмая маршрутка.

Я танцовщица будто. Об этом спросите у тени,
Может, вам объяснит. Мне велит, ничего не решая
и не слушая жалоб на занятость, хитросплетенья
суеты – удержать балансир на поверхности шара.

В день рождения Будды мы выпили чашу муската,
эта ложь во спасение – очень опасный наркотик.
Все желанья твои есть твои ахиллесовы пяты,
визерункове скло, правда, я обмануться не против.

Ветер взяв за крыло, как-нибудь поднимусь по Рельефной,
оглянусь – и замру от резной синевы и прозрачной –
до Азова – планеты. Возможно, мы выживем, если
нас захочет спасти красота. Впрочем, неоднозначно.

Площадь 2-й пятилетки

В чудесном месте – и в такое время!
Последней лаской бередит октябрь,
плывёт покой над хосписом. Смиренье
и взвешенность в струящихся сетях.

Как трудно удержаться от иллюзий.
Глазам не верю – верю своему
слепому чувству. Кто-то тянет узел
и плавно погружает мир во тьму.

Рыбак свою последнюю рыбку
налаживает в мятом камыше,
шар золотой падёт, как в лузу, в балку,
за Темерник, и с милым в шалаше

нам будет рай. Но где шалаш, мой милый,
и где ты сам? Как хорошо одной.
За этот день октябрьский унылый
прощу июльский первобытный зной.

Стрекозы, да вороны, да листва,
я, бабочки – совсем немногочленно.
До доньшка испить, до естества
прозрачный тонкий мир уже нетрудно.

Я наконец-то становлюсь спокойной,
когда уже побиты все горшки,
горят мосты, проиграны все войны
и даже стихли за спиной смешки.

В нирване пробок, в декабре, с утра,
в родимых неприветливых широтах
припомню, как скользит твоя кора,
а я не знаю, вяз ты или граб,
по времени скользя, не знаю, кто ты.

* * *

Научи меня, Господи,
просто, свободно писать,
взять стило и писать,
позабыв о форматах и стилях

тех, кто знает, как надо...
Забуть о долгах, о часах,
о холодной ломающей боли –
когда не любили.

Не на север, не в лодке,
не в холод, не в дождь, не в мороз,
а в озноб подсознания,
в ересь похожих, безликих,

как в аду,
в сырый ком закипающих слёз,
оплетённый кругом
постулатами странных религий.

На кушетке у Фрейда
я вспомню такие грехи,
за которые вертятся
на электрическом стуле.

Научи ворошить
мой надёжно укрытый архив
отделяя от боли
всю прочую литературу.

Мозг инерции просит,
не хочет спиральных свобод,

неучтённых, опасных,
лихих, не дающих гарантий,

не дающих плодов,
уносящих бурлением вод
и ребёнка в тебе –
под сомнительным кодом «характер».

Серпантины уводят
всё дальше от плоской земли,
сублимации, скуки,
привычки, инерции, дрёмы.

Про Русалочку – помнишь?
Часы отключились, ушли
вверх по склону – и в вечность
с постылого аэродрома.

Я останусь вверху, на плато,
здесь наглядней дела
и слышнее слова Твои –
ближе, наверное, к дому.

Архимедов огонь
насылают Твои зеркала
на корабль – и пылает фарватер
так странно знакомо...

Русскому языку

Язык мой, враг мой,
среди тысяч слов
твоих, кишачих роем насекомых, –
нет, попугаев в тропиках, улов
мой небогат и зелен до оскомы,
и слишком слаб,
чтоб миру отвечать –
когда мгновенье бьётся жидкой ртутью,
косноязычье виснет на плечах –
а значит, ослабляет амплитуду.

Я не могу
поссориться с дождём –
наверно, русский речь меня покинул.
И старый добрый дзэн меня не ждёт.
Шопеновская юбка балерины

не прикрывает
кривоногих тем,
морфем и идиом – но я причастна!
И я, твоя зарвавшаяся тень,
ныряю в несжимаемое счастье.

«Царь-колокол».
«Гром-камень». «Встань-трава».
О, не лиши меня попытки слова,
пока такие ж сладкие слова
не разыщут на глобусе Ростова!

Вступили в реку –
будем гнать волну.
Что ж нам, тонуть? Куда теперь деваться?
Всё разглядим – и выберем одну
из тысячи возможных девиаций –

верней – она
нам выберет звезду.
И полетит сюжет, как поезд скорый,
и я в него запрыгну на ходу
пускай плохим – но искренним актёром.

* * *

Сверху падало небо,
слоями на землю ложилось,
постепенно светлея.
Его колдовским хороводом
заморожен, поверил бы истово
в горнюю милость –
но себе не солжёшь
на детекторе полной свободы,
но в е-мейле у ангела
тоже есть слово собака,
элевсинских мистерий двусмысленность,
спесь первородства, –
не высовывай голову! Небо светлеет, однако
время плотно сжимается и надо мною смеётся.

Не сливайся с пейзажем,
он много сильней, он повяжет,
засосёт – не заметишь,
сопьёшься, сольёшься, сотрёшься
и ни слова не скажешь –
инерция пухом лебяжым,
тихим тёплым теченьем заманит,
как кошку прохожий,
Одиссея – Калипсо. На пике любви и опалы
так легко раствориться
в усталости сиюминутной.
Утро – свежий цветок,
правда, мы в нём – какие попало,
недоспавшие зомби,
измятые в тесных маршрутках.

Повинуйся порывам!
Им было непросто прорваться
сквозь дремучую косность
депрессий, рефлексий, амбиций –
и затеплить свечу.
Не пугайся своих девиаций,
с Дона выдачи нет.
Изумиться, поверить, влюбиться,
в кружевном многомерном плетенье
немею и внемлю,
осыпается небо – доверчиво, бережно, хрупко,
и летят лепестки на прощённую грустную землю,
укрывая нежнейшим покровом нарывы и струпыя.

* * *

*Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.*

А. Ахматова

Я родилась в игрушечном раю.
Порой он, правда, притворялся адом.
Там в голову беспечную мою
назойливо ввинтилось слово «надо»,
такое инородное. Реки
изгибы в балке прятались без счёта,
казались высоки и далеки
цветные двухэтажные хрущёвки.

Я родилась поддерживать очаг
и Золушкой копать в мелочах,
учиться чечевицу от гороха
хотя бы понаслышке отличать.
И да минует случай страховой
лоскутный свет – и ласковый, и ладный,
где с миром был надёжный уговор
у детства – в каждой клеточке тетрадной.

Рука слегка в чернилах – это я
теряюсь от сложнейшего вопроса –
какого цвета спинка воробья?
И бантики в горошек держат косы.

Тут раньше было дерево. Оно
пило корнями, возносилось в небо,
листвой светилось и цвело весной,
в ликующей головке был и небыль
сплетая в пряди, дождевой водой

промытые, змеилось сквозь тетрадки.
Теперь тут только крыши чередой
и дымоходы в шахматном порядке.

Мы гаснем долго, искрами во тьме –
вдруг занявшись и описав кривую,
немыслимую, сложную – взамен
луча, стрелы, мы проживаем все
и неумело... Но горим пока.
Как только отпущу своё начало –
я стану тенью в роговых очках,
как все, кто больше свет не излучает.

* * *

Это февральский Ростов. Это Кафка.
Серое мутное жидкое небо.
Город бессилен, контакт оборвался
оста и веста, и севера с югом.
Мерзко, но цельно зияет подсказка
в грязных бинтах ноздреватого снега:
всё завершится сведённым балансом –
жадность и страх уничтожат друг друга.

Не соскользнуть бы в иллюзию. Скользко.
Под сапогом мостовая в движенье
кобры шипучей. Портовые краны
кромку заката изрезали в раны.
Тот, кто взошёл на Голгофу – нисколько
не нарушает закон притяженья.
Можно об этом поспорить с Ньютоном
запанибродским этаким тоном.

Почерк врача неразборчив – подделай
всё, от анамнеза до эпикриза:
может, дозиметры и не зашкалят,
только повсюду – приметы распада.
Выпить цикуту? Уйти в декаденты?
В партию «Яблоко»? В творческий кризис?
Я ухожу – я нашла, что искала –
в сказочный город под коркой граната.

Не прокляй мне висок — он ещё пригодится
 нам с тобой, моя нетерпеливая птица,
 по калибру колибри, фламинго по сути,
 мне фламенко твоей нестихающей сутры
 так понятно и близко — да на сердце пусто,
 тут гори-не гори — всё равно не отпустит,
 несжигаемый стержень внутри оперенья
 неохотно поддерживаает горенье —
 сталактитом пещерным, колонной античной,
 черепашкой без панциря — ах, неприличной,
 Крейзи Грант по волнам, по барханам медовым
 на порог болевой — восходи, будь, как дома.
 Этот свет золотых и пустынных оттенков
 так неровно дрожит — видно, скоро погаснет,
 я приму это easy, не бейся об стенку,
 не коси этот камень в висках мне — напрасно,
 разве я человек? Я всего лишь апостол,
 и моё отражение — только витрина
 всех моих заблуждений. Ты думаешь, просто
 пред учителем встать с головою повинной,
 не найдя никакого решения задачи?
 Спи, глазок, спи, другой — а про третий забуду,
 он не даст мне соврать — так жила, не иначе —
 и потащат вину караваны верблюдов.
 И пускай в мою честь назовут новый комплекс,
 только ты — улетай с нехорошей квартиры.
 Где твои амулеты? Жадёжен ли компас?
 Я тебя отпущу в Благовещенье — с миром.

* * *

*Я люблю одинокий человеческий голос,
истерзанный любовью.*

Федерико Гарсиа Лорка

На изгибе весны, на суставе грозы с потепленьем,
с набуханием почек, паническим ростом травы,
разветвленьем суждений о жизни и воцерковленьем
всех агностиков – к Пасхе, с прощеньем чужой нелюбви,
во младенчестве млечном и солнечном Вербной недели,
сквозь десант одуванчиков в каждый очнувшийся двор
прорастает отчаянно глупое счастье апреля,
просто так, от души, нашей злой правоте не в укор.

Как на скалах цветы – не для нас распускают созвездья
в раннем марте, под снегом, на северных склонах, во мхах –
да кому мы нужны с нашей правдой, и болью, и жестью,
вечной просьбой бессмертия и паранойей греха –
в царской щедрости мокрого парка. Так что ж мы, уроды,
сами сбывься мешаем своим нерассказанным снам?
Под раскаты грозы пубертатного времени года
в мир, любовью истерзанный, всё ещё входит весна.

* * *

Твои диктанты всё короче –
Ты больше стал мне доверять?
А может, меньше? Между прочим,
я разучилась повторять
слова молитвы. Паранойя
терзает эпигонов власть,
те, кто спасён в ковчеге Ноя,
хотят ещё куда попасть,
да забывают от азарта,
о том, что человек не зверь,
что золотому миллиарду
не уберечься от потерь,
что голодающие дети
нам не простят своей судьбы,
и много есть чего на свете,
что не вмещают наши лбы –
упрямые от страха смерти
и робкие от страха жить.
Не для меня планета вертит
Твои цветные витражи,
В мозгу искажены масштабы –
пыталась верить, не любя,
а без задания генштаба
так сложно познавать себя,
не отвратит Твой гневный окрик
от эйфории, от нытья,
и я сама себе апокриф,
сама себе епитимья,
сложнее пуританских правил
нескромное Твоё кино,
порой Твой юмор аморален –
но что поделаешь – смешно.

* * *

И кризис, и холодная зима –
но есть БГ. Семь бед – за все отвечу.
Наушники не стоит вынимать –
без них так страшно. Нелогичен вечер,
негармоничен – этот ляг и визг
недружественный, слякоть, оригами
двумерных ёлок, плоских, грузовик
наполнивших рядами, штабелями,
и радио в маршрутке. Стёб да стёб
кругом. И кризис бродит по Европе.
Бьёт склянку колокол. И музыка растёт
в наушниках. Свободна от оброка
произнести, не применяя ямба
тот монолог, что сам в меня вселился.
Мороз крепчал – надёжный старый штамп,
мороз крепчал – и Чехов веселился.

Её материал – сплошной бетон,
а ты в него вгрызаешься зубами,
пока не разглядишь, что небосклон
не над тобой уже, а под ногами,
вокруг, везде... И призраки мостов
встают в тумане. Встречных глаз унынье.
Звезда над филармонией. Ростов –
сверхперенаселённая пустыня.

По мне звонит в кармане телефон.
Спасибо. Доживём до новых вёсен.
Я принимаю, узнаю, и звон
мобильника приветствует – прорвёмся.

* * *

*Ты можешь подвести коня к реке,
но ты не можешь заставить его пить.
Восточная мудрость*

Воскресение. Чайно-ореховый омут
глаз напротив. Как редко играем мы с ней!
Наши шахматы можно назвать по-другому,
потому что Алёнка жалеет коней –
и своих, и моих. Отдаёт, не колеблясь,
и красавца ферзя, и тупую ладью,
но четыре лошадки, изящных, как лебеди,
неизменно должны оставаться в строю.

От волнения у пешки затылок искусан,
в каждой партии странные строим миры.
Я иду вслед за ней в этом важном искусстве,
я учусь выходить за пределы игры.
Надо выдержать паузу, выдержать спину
и подробно прожить откровения дня.
Эта партия сыграна наполювину.
В ферзи я не хочу. Отыграю коня.

Торжество справедливости – странная помесь
пустоты и досады – сквозь пальцы улов.
Выхожу на спираль – если вовремя вспомню,
что великий квадрат не имеет углов*.
Ни корон, ни дворцов, ни слонов, ни пехоты,
перейду чёрно-белых границ череду,
распущу свою армию за поворотом
и коня вороного к реке поведу.

**Из «Дао-де-цзин»*

Новый Афон, пещера

Там солнце рыщет спаниелем рыжим,
но непрямоугольные миры
и первобытный хаос неподвижны
внутри курчавой Иверской горы,
лишь факельных огней протуберанцы.
Не обернусь, но знаю наизусть –
такой организацией пространства
теперь я никогда не надышусь.

Под трещинами каменного неба
неровный серый грубый известняк,
зелёные отметки наводнений,
подземные овраги – и сквозняк
там, где неверной левой я ступала
на твой ребристый серебристый спуск,
в колонию кальцитовых кристаллов,
не раскрывая створок, как моллюск,

от рукокрылых прячась в нишах скользких,
в меандрах холодея на ходу.

Мне скажет Персефона – ты не бойся,
иди, не так уж страшно здесь, в аду.
В энергию застывших водопадов,
в холодный бунт мерцающих озёр,
клыков известняковых эскапады
ты обратишь свой страх и свой позор.

Прошу – «Приятель, убери свой Nikon» –
уже одной из местных Персефон, –
как в храме – ну нельзя на фоне ликов! –
так здесь – нельзя, здесь сам ты – только фон!
Нет воли разозлиться, крикнуть – «тише!»,
их болтовня пуста – да неспроста.

Они галдят – чтобы себя не слышать –
и всё же их спасает красота,

по капле, не спеша, как сталактиты
растут в веках – так в нас растёт душа
Вселенной, так тысячелетья слиты
в спартанский твой космический ландшафт.

А поклониться каменной Медузе
лишь избранным дано – так за алтарь
не каждого пускают. Разве – музы
по кружевным полам, да пара стай

нетопырей. А в карстовых глазницах
звучит орган. Не поросли бы мхом!
И как бы мне в сердцах не разразиться
наивно-назидательным стихом...

* * *

Этот город накроет волной.
Мы – не сможем... Да, в сущности, кто мы –
перед вольной летящей стеной
побледневшие нервные гномы?
Наши статуи, парки, дворцы,
балюстрады и автомобили...
И коня-то уже под уздцы
не удержим. Давно позабыли,

как вставать на защиту страны,
усмирять и врага, и стихию,
наши мысли больны и странны –
графоманской строкой на стихире.
Бедный город, как в грязных бинтах,
в липком рыхлом подтаявшем снеге,
протекающем в тонких местах...
По такому ль надменный Онегин

возвращался домой из гостей?
Разве столько отчаянья в чае
ежеутреннем – было в начале?
На глазах изумлённых детей
под дурацкий закадровый смех
проворонили землю, разини.
Жаль, когда-то подумать за всех
не успел Доменико Трезини.

Охта-центры, спустившись с высот,
ищут новый оффшор торопливо,
и уже нас ничто не спасёт –
даже дамба в Финском заливе,
слишком поздно. Очнувшись от сна,

прозревает последний тупица –
раз в столетье приходит волна,
от которой нельзя откупиться.

Я молчу. Я молчу и молюсь.
Я молчу, и молюсь, и надеюсь.
Но уже обживает моллюск
день Помпеи в последнем музее,
но уже доедает слизняк
чистотел вдоль железной дороги...
Да, сейчас у меня депресняк,
так что ты меня лучше не трогай.

Да помилует праведный суд
соль и суть его нежной психеи.
Этот город, пожалуй, спасут.
Только мы – всё равно не успеем.

* * *

Жить можно, если нет альтернатив,
с их жалостью к себе и пышным бредом.
Скажи, когда сбиваешься с пути –
я здесь живу. Не ждите, не уеду.
Вдруг, ни с чего, поймёшь как дважды два –
тебя приговорили к вечной жизни –
когда плывёт по Горького трамвай –
одинадцатипалубным круизным...

А в небе лето – аж до глубины,
до доньшка, до самого седьмого –
акацией пропитано. Длинные
периоды его, прочны основы,
оно в себе уверено – плывёт
гондолой ладной по Канале Гранде
и плавит мёд шестиугольных сот
для шестикрылых, и поля лаванды

полощет в струях, окунает в зной
и отражает в колыханье света.
Так подними мне веки! Я давно
не видела зимы, весны и лета
и осени. Послушай, осени,
взгляни – и научи дышать, как надо!
...Свой крест – свой балансир – начнёшь ценить,
пройдя две трети этого каната.

В клоаке лета, в транспортном аду
строчить себе же смс неловко,
оформить то, что ты имел в виду,

в простую форму. Формулу. Формовка
стихий в слова и строки допоздна –
и смежить веки в неге новой сутры.
И выскользнуть из мягких лапок сна
к ребёнку народившегося утра.

* * *

Истеричный порыв сочинять в электричке,
свой глоточек свободы испить до конца,
внутривенно, по капле, ни йоты сырца
не пролить-проворонить, чатланские спички
не истратить бездарно. Побег
по ошибке – а значит, для муки,
тянут почки, укрытые снегом,
как ребёнок – озябшие руки.

На замке подсознание, ключик утерян,
не дано удержать себя в рамках судьбы –
лишь бы с ритма не сбиться. А поезд отмерит
твой полёт и гордыню, смиренность и быт.
Я вдохну дым чужой сигареты.
Частью флоры – без ягод и листьев –
встрепенётся ушедшее лето –
опылится само, окрылится,

и взлетит – несмышлёным огнём скоротечным.
Но шлагбаум – как огненный меч – неспроста.
Но в узоры сплетаются бренность и вечность,
жизнь и смерть, жар и лёд, и во всём – красота.
Этот калейдоскоп ирреален –
под изорванным в пух покрывалом –
вечно старые камни развалин,
вечно юные камни обвалов.

Это раньше поэтов манила бездомность,
а сегодня отвратно бездомны бомжи,
этот жалкий обмылок, гниющий обломок
богоданной бессмертной погибшей души.

Страшный след, необузданный, тёмный,
катастрофы, потери, протеста,
и в психушке с Иваном Бездомным
для него не находится места.

Не соткать ровной ткани самой Афродите –
чудо-зёрна от плевел нельзя отделить.
Кудри рыжего дыма растут в зените,
на немытом стекле проступает delete.
Но в зигзаги невидимой нитью
мягко вписана кем-то кривая.
Поезд мчится. И музыка Шнитке
разрушает мне мозг, развивая.

* * *

Диктат языка начинается с табула расы
и школьной привычки обгрызть то, что держишь в руках,
с невнятной, крылатой, едва оперившейся фразы, –
страхнув твои вздохи, эпитеты, блёстки и стразы,
лучом неподкупным и строгим ложится строка.

Симфония звуков, оттенков и запахов лета,
тебе одному предназначенный смайлик луны...
На лживый вопрос не бывает правдивых ответов,
и снова вернётся с жужжащим нытьём рикошета
унылая правда твоей нищезанской страны.

В глубинах фрактальной мозаики листьев каштана
проступит на миг – что сумею, в себе сохраню,
увидю, где хуже – да видимо, там и останусь.
Сбегу – мир не выдаст однажды открытую тайну,
она не случайно доверена мне – и огню.

Но сколько ни лей эталонную мёртвую воду,
ничто не срастётся – и дальше пойдём налегке.
Ни Чёрная речка, ни Припять, ни Калка, ни Волга
нас не научили – что ж толку в той музыке колкой,
тревожным рефреном пружинящей в каждой строке?

Порталы закрыты, здесь каждый в своей параллели,
– но слабенький звон несквозной переключки имён...
Со скрипом немазанным тронется жизни телега,
востребован стих некрещёным моим поколеньем,
как тонкая ниточка рвущейся связи времён...

Диктует язык – и уже раскрываются створки
моллюска души – ну, дыши, будь живее, чем ртуть,

и выпусти джинна пружину из тесной подкорки,-
я знаю, как надо, я здесь ничего не испорчу!
...Забудь о свободе. Придумай другую мечту.

Откуда свобода у тех, в чьём роду крепостные?
Дурная генетика в нас – и бессильны волхвы.
Безмолвствуют гроздя акации предгрозовые,
всё тише пасутся стада на просторах России,
планета Саракш разместилась внутри головы.

Язычество многим даётся само, от природы,
а для христианства не вызрели свет да любовь.
Подняться над собственным опытом робкие пробы –
и есть твой полёт, твоё поле, твой вектор – за строгий
диктат языка, и что это случилось с тобой.

*Ушедшему лету
и новому фонтану на набережной*

Слабо?

О том, как мириады...
нет, много, ладно, миллионы –
лианы, радуги, дриады,
в твоём сознание воспалённом –
здесь, наяву, потрогать можно
и не обжечься – но – не примут
в свой светлый танец
весь промокший
будь даже балериной-примой –
смешно и думать. Просто внемли,
благоговей, вбирай,
наполни все капилляры,
жилы, нервы.
...вольны – дискретны –
снова волны...

О том, что не фонтан – умеешь,
а тут – фонтан!
И ты бессилен
взгляд оторвать
гипноз
важнее нет ничего
вот разве синью пунцовой
вглубь чернеет небо
чего ж ещё? – вода струится
сливается, дробится в небыль
и возвращается сторицей
как те слова...
сто леопардов,

лиловых золотых зелёных –
их ловят дети – прыгать, падать,
глотать осколки брызг солёных

спеши, пиши его с природы
насколько хватит ямбов, красок,
его сложнейшей партитуры
не исчерпать речёвкой страстной,
и этот хор – его кантаты,
их бесконечное кипенье –
вода – пылающие кудри,
о, детвора на карусели
вот так смеётся, пенье статуй,
огня, занявшегося пеной,
всем водопадом перламутра
в тебя впадает
воскресенье

Александр Соболеву

Искандер, эти реки
тесны и горьки для того,
кто привык родниковой водой
утолять свою жажду.
Как ручьи ни чисты,
кто вступил в эту реку однажды –
не отмоется,
нет иорданской волны.
Бисер твой
рассыпается, не успеваешь сыграть, ни догнать,
ну их к чёрту, такие игрушки.
Немало народу
не заметили сами,
когда же лишились огня
в благородном стремлении
выйти на вольную воду.
Только там, за буйками,
всего лишь трясёт и тошнит,
ничего больше нет.
Те, кто плавает в мелкой посуде,
застолбили фарватер,
развесили всюду огни,
незаконнорождённых (как Фет)
даже слушать не будут.
Постоянно рублю
каждый сук, на котором сажу,
и пытаюсь взлететь,
отвергая позор притяженья.
Получается изредка –
неосторожным движеньем
приоткрыть над собой

чьей-то воли бездонную жуть.
Эту чашу медовую
пёрышком не исчерпать,
все, кто был,
лишь притронулись
к терпкому лунному краю.
Для Сизифа камней неподъёмных
повсюду хватает,
и нетленной солёной колонной
висит снегопад.
В каждой осени –
новый обет избежавших клише.
В каждом омуте –
тихие черти волшебной свободы.
Камень, брошенный в воду,
всегда попадает в мишень,
в самый центр кругов,
с трепыханьем по левому борту.

* * *

А снег так и не выпал. Он кружил
над городом в сомненье и смятенье,
носился над землёй неверной тенью,
но не упал. Лишь холодом до жил
ночь пробрало. Жестокая звезда
бесстрастно щекотала гладь бетонки,
а снег, потупись, отлетел в сторонку
и выпал в Нальчике. Чужие поезда

вдруг осветили – человек лежит
в кювете. Но такому контингенту
не вызвать «скорую», как будто чья-то жизнь
отмечена печатью секунд-хенда.
Я откуплюсь от нищих и бомжей,
всем – по монетке. Спи, больная совесть.
Сам виноват. Смеркается уже,
пора домой, пока есть дом. А повесть
его проста. Сам виноват. Не я.
Перед собой. А я – не виновата
перед собой? Тащить-тяжеловато.
Невыносима лёгкость бытия.
А снег нас не прощает. Наши сны
не смяты ни виною, ни любовью.
Он где-то засыпает – до весны –
и ангел засыпает в изголовье.

3.

Ласточке

*Твой мир огромней моего,
стремительнее, необычней,
не зная слов – куда его
ты воплощаешь духом птичьим?
Не зная музыки – во что
ты проливаешь слёзы, как ты
не задохнёшься красотой,
её простым и дерзким фактом?*

* * *

Когда проходит время сквозь меня,
ему покорно открываю шлюзы –
не стоит перемычками иллюзий
задраивать отсек живого дня,
и ламинарный лимфоток столетий
не заслонится частоколом дел,
а время растворяется в воде,
качает мёд – наверно, в интернете...

Я покорюсь – и вот простой узор
читается цветной арабской вязью,
двумерный мир взрывается грозой,
дорогой, степью, неба органзой,
причинно-следственной необъяснимый связью.
Такой диалектический скачок –
забыть себя – чтобы собой остаться.
...Подсолнухов – не меньше, чем китайцев,
и все влюблено смотрят на восток.

Когда пытаюсь время удержать,
используя истерики, торосы,
пороги, слёзы – ни одна скрижаль
не даст ответа на мои вопросы.
Смятенье турбулентного потока
порвёт, как тузик грелку, мой каприз.
Во мне живёт латентный террорист,
и я за это поплачусь жестоко.

Домой! Мой дом древнее Мавзолея.
Жизнь удалась. Хай кволити. Кинг сайз.
Спасибо, время, что меня не лечишь,
не утешаешь меткой в волосах.

И в позе аскетической, неброской
подсолнухи в гимнастике тайдзи.
Мне ничего плохого не грозит
с такой самодостаточной причёской.

* * *

Модем зарницы мечет. Тень от люстры
танцует странный танец потолочный.
Мой дом непрочный – не настолько, чтобы
не сохранить инерцию покоя –
опять дрожит невнятицей, строкою
несбыточной – до белизны, до хруста.

Взрывают храмы, подземелья роют –
нестройный клин, несмелый иероглиф
приносит весть – пути исповедимы
у ветра, у орла, у дев... Однако
ничто не предвещало снова зиму –
лишь лебединый почерк Пастернака.

Мне кофе. Больше чашку, эта слишком
мала. Я буду жить, не напрягаясь.
Носков махровых полосатых роскошь
впущу в мой мир, и плюшевого мишку.
Вас не впущу. Смолчу, переморгаю,
не доверяя матери-природе.

Домбайское

Веди меня за солнечным руном,
овечьей шерстью грей январским утром,
пой – в морозном, синем, кружевном –
горячим терпким ягодным вином,
окутывай туманом златокудрым.
Да, это верно, дар даётся в долг,
и, видимо, совсем уже недолго
мне жить в раю, где каждый свежий вдох
горчит виной несбывшегося долга.

Все деградируют. Я тоже, в их числе,
поскольку рабство – пища для планктона
косноязычного. Мне мой негорький хлеб
свободы стоит... Мягко-непреклонны
святые ели – в облаках поют –
с открыток детства – видят всё, до лета –
мне надо жить, а я брожу в раю,
дышу озоном и пою куплеты

из мантр БГ. Цветные тиражи,
туманы, океаны, миражи,
несметных птиц Твоих живые лики, –
квадриллионы знаков, трав и листьев,
единых в миллионах вариаций.
Ты прав, что не желаешь повторяться
и штамповать, как мы – поступки, сны, –
в безвольном ожидании весны.

Сквозь времена нас вечно тянет в сад,
откуда изгнаны, в ущелья и леса,
но мы уходим вниз – в поту лица
искать свой хлеб и прочее иное

ненужное, и подличать спиной,
неся потенциал своей судьбы
в глазах и незадачливых движениях.
Я здесь – на лыжи – вниз, стремление быть –
сильнее логики – в простом скольжении

есть счастье. Как этой ели, мне
судьба тянуться к солнцу неустанно,
и удержать на сильных лапах снег,
храня его слепую первозданность.
Сосновых шишек на меду настой,
тепло глинтвейна и подол тумана...
Пока не стала серой и глухой –
разбереди мне снова эту рану.

В уютной чаше старого Домбая
ещё раз убедиться, что живая.

* * *

Не стало блаженных – и кто нам предскажет пожары,
погромы, поборы, кто вовремя нас остановит?
Я всё же немного сложнее воздушного шара –
наверное, возраст. Всё так упростилось: до крови,

до рожи синюшной, счастливо зияющей в зиму
беззубой улыбкой – как радость в нас неистребима...
Не сдержит нас слово, в котором не стало закона –
изжито, отжато и выглядит жмыхом лимонным.

Сегодня приснилось под утро – мы утро лепили,
совсем неумело, из липкого серого хлеба,
нелепо, руками. Нас этому плохо учили,
разорвана связь поколений. Но рваное небо

беременно снегом. Неважно, что серое – белым,
чистейшим, наш случай хронический, что с нами делать?
Покой, ощущение дома встаёт из тумана –
ведь каждый ребёнок – не только от папы и мамы.

Из сотни юродивых – сколько глядит в фарисеи?
Не стало стыда, диким шабашем выглядит праздник.
По-прежнему тупо и неумолимо взрослою.
Сегодня меня без перчаток и трогать опасно.

* * *

Только в пять выхожу –
чем же мы не полярные совы?
Если солнце и есть –
мы с ним словно бы и не знакомы.
В темноте человека не видно –
плывём, невесомы,
не в себе и ни в ком,
имяреки, до самого дома,
словно реки, течём –
никогда не впадая друг в друга,
в параллельных реальностях
мыслей, забот, представлений
о прошедшем и будущем,
ноги футболят упруго
шар земной терпеливый,
слегка раздражённые тени
поглощаются транспортом,
чтобы смениться другими,
наше время – не деньги,
оно нам гораздо дороже,
и кредит не возьмёшь...
Так недолго носить своё имя,
так немного успеешь понять
в этот вечер морозный.

* * *

Декабри не кончаются, это пустые листы
неотбеленной свежей прохладной форзацной бумаги,
к новогодней мистерии чуткой. Светлейшей из магий
мы их просто штрихуем дождями, наводим мосты
между днями и вечностью через провалы судеб,
золотые ущелья без доступа внешней тревоги.
Мир сбивал меня с ритма – сосед вечно слушает рэп.
Это дождь накосячил – горшки обжигают не боги.

За свинцовость реки, размышляющей, течь или сны
вековые смотреть до несбыточной новой весны,
за свинчатку дождя, за покровы обугленных туч
стебельком неразумным проклюнулся узенький луч,

так прорежутся крокусы в марте сквозь твердь изнутри,
острым ножичком вспорют бездарную плотность и сухость
наслоений – сказать: не могло – но случилось, смотри –
много спросится, только ответ – за пределами слуха.
У земли, непохожей на губку, невидимых пор,
жадно пьющих и алчущих – тысячи, – воду ли, время...
Кудри рыжего дыма, вращаясь, уходят в раствор
облаков, доказавших незыблемый хлад теоремы.

Я закрою глаза – изнутри догорает огонь,
ярко-красный, и бьётся – вот именно – в тесной печурке
головы. Ветер выдуть старался нагой –
только волосы выпрямил. Пусть задувает окурки.
Я устала, я так отдыхаю – вздыхаю и чай
прогоняю сквозь поры и листья, сквозь клетки, и трубки –
там их много, я видела видео. Музы молчат –
значит, пушки вступают, и вдрызг разлетается хрупкий

день – встряхнуть и расправить,
как скатерть на чистом столе,
я сама виновата в бездарности пьесы недлинной,
виновата – не больше той женщины на корабле,
я же помнила в юности главный свой эквивалент,
мирозданье равнялось... чему? В той системе зеркал
ты всегда находил, даже если не слишком искал,
оправданье всему, в чём достаточно адреналина.
Искривлённость пространства на лицах почти не видна –
все закрыты, разумны, причёсаны строго и просто.
Но смотри – изнутри в Темерник набегают волна
и тревожит устои железобетонного моста.

Через тысячу лет не узнаем названия рек.
Городов очертанья на карте и речь – всё иное.
Ну так что мне привычный двукратно подтаявший снег,
длинный стих мой невнятный, размытый плеснувшей волною.

Мир прекрасен и хрупок... Но я не об этом сейчас.
Есть лекарство в конце от иллюзий, амбиций, идиллий.
Полыханье физалиса выхватит гаснущий глаз –
спасены. Всё вернулось. И вспомним, зачем приходили.

* * *

Мой двор, лоскут вселенной отрезной
с её дождями, листьями, весной –
неброской, без рисовки и вранья,
с собачьим лаем, граем воронья,
с экспансией голодных муравьёв,
грызущих наше брэнное жильё,
и чередой жердёловых стихий,
впадающих в варенья и стихи.

Встать до восхода и писать, писать,
пока луна цела и голоса
эриний мирно ладят за окном,
пока во мне – светло, в окне – темно.
Но это будет завтра, а пока
вновь – пятница, последний день Сурка.

Река – узка, изломана, остра.
Как спинка молодого осетра,
изрезаны и топки берега,
нечастая ступает здесь нога,
войти в неё и подвести итог –
соврать себе,
что ты хоть что-то смог.

Сад брошен, вишни вянут на ветвях.
Мы не нужны Тебе? Извечный страх,
живущий в неуютных головах.
Излишество набора хромосом.
Ещё не старым ржавым колесом
я докачусь до горнего суда,
я попрошу вернуть меня сюда.

* * *

Полусонной стопой зацепившись за стебель колючий,
засмеёшься и вспомнишь взглянуть на искристую реку,
напоследок, пока не вцепился, используя случай,
твой рассудок в тебя, возвращая назад, в человека,
что ни утро. Ведь так никогда не взлетишь, не ворвёшься
в тонкий перистый слой легкокрылым пульсаром пернатым.
Утро мимо стрижом пролетает – меня не тревожа,
в паутинке судьбы проступают стальные канаты.

Снова точка росы. Настоять на своём и не пробуй.
В этом нету любви. Вот когда отдохнём – улыбнёмся.
Снова нет меня здесь, есть весёлый придушенный робот,
это сон или душный кошмар, мы забыли про солнце,
где мои сапоги-скороходы – а то опоздаю,
мы для них неформат – и снимают всю стружку по полной –
кругозор козырьком ограничен. Приму эту данность,
завтра выпадет снег и укроет моё биополе.

Строить счастье – с нуля, до сих пор на нуле оставаясь,
упиваясь нулём и гордясь благородством усилий...
Но героев на сцене опять и опять убивают –
нас учили всегда умирать – воскресать не учили.
В нашей строгой и точной, подробной и тонкой работе
восхищенье – сродни похищенью у смерти, у тлена
Если в юности струсил – ищи компромиссы, чего там,
а последний патрон не всегда вырастает в дилемму.

Ну хоть ты не шаблонь. День врастает в свои трафареты –
крепких старых вещей, хрупких вечнозелёных растений.
разорвать, расчлнить и сбежать в окрылённое лето,
чтоб остаться собой – научусь не отбрасывать тени.
Изгоняю простуду, засевшую прочно и нагло,
трын-травой да горчицей, да кое-каким заговором.
Ненавижу опаздывать, чувства вины мне не надо.
Но успею, похоже, тут рядом, теперь уже скоро.

* * *

Иногда в этом воздухе ложно-весеннем
намечаются волны – изгибы – ступени,
и по ним неожиданно просто струятся
леера... Поднимаешься в мир вариаций
и прозрений – о ком-то, расслышавшем гимны,
о мозаике дней, что могли быть другими,
и навстречу безмолвному воплю заката
устремляешься радостно и виновато.

Словно сколы скалы, кучевые террасы,
заповедные трассы неведомой расы.
...Я вернусь после краткого чуда побега
в нераскрашенный мир, не отбеленный снегом,
в лунный стылый пейзаж из бетона, асфальта,
непромытого китча бессолнечной смальты.

Завтра выпадет снег – значит, всё перепишем
по-хорошему, набело – если запомню
этот свет и озноб, а ступени всё выше,
завтра всё ещё чисто, как снежное поле,
как морозные ветви кружат сквозь ресницы
февраля, колядуют, искрят, расплетаясь,
чтоб остаться собой, я должна измениться,
непрерывно меняться, как их очертанья.

Я тоскую по солнцу, как дерево Лема,
душу тянет в воронку – не скрыть до апреля.
Нелегко отделяются зёрна от плевел,
за соломинку слова держусь еле-еле.
Мир становится тесен – роднее, больнее,
и обидчивей. Хрупок, как зимние ветви.
Жить, наверное, можно – но я не умею.
И закаты о чём-то кричат безответно.

* * *

Ключ легко повернулся в замке.
Хризантемы кивнули – пока.
Надо в мир выходить налегке.
Как я выгляжу? В общем, никак.
Дух – невидим, а тело – неечно
и неважно. Дышало бы, шло.
Рыжий пух облетевших соцветий –
это необходимое зло,

значит, нам его не обойти.
Слишком долго стоим на мели.
Не заплакать – рецепт травести.
Облетают пятёрки, нули,
юбилеи, кончается лето,
не обманешь свою колею.
Я пошла бы с тобой на край света –
только мы ведь уже на краю.

Начинается гамбургский счёт,
и теряешь с реальностью связь,
с этим миром, что вечно течёт,
изменяется, ропщет Save us...
Там бы ты – пастушком со свирелью,
там бы я – пышнотелой красой...
...Даже рельсы не так параллельны,
как хотелось... Храни это всё,

сохрани – как росу и траву,
как плотву на речной быстрине –
серебрится река наяву,
разметались ромашки во сне.
Дай бог памяти зла не упомнить,
незабудками детство взошло,
убирает колючки шиповник
и ложится трамвай на крыло.

* * *

Откуда столько влаги – в январе?
Картина дня слегка стекает влево,
и дюжина сосуллек во дворе
прекраснее подвесок королевы.
На водостоке звёзды изо льда.
Изольда перестала ждать Тристана –
что делать, если талая вода
сюжеты размывает неустанно.

Планете

Говорят, ты прекрасна из космоса.
Я не помню. Я скоро увижу.
Неизвестное, вечно искомое
станет лишним, зато станет ближе.
Ясным морем разлитый Ответ
навсегда отменяет вопросы.
Счастья нет. Смысла нет. Только свет.
Я – никто. Знаю – всё. Только проза.
Я увижу – и не задохнусь
от восторга, любви. Не заплачу –
уловлю световую волну
и пойму, что решила задачу.
Разбегаюсь лучами раскосыми,
обретая спокойствие будды.

Говорят, ты прекрасна из космоса.
Я тебя никогда не забуду.

* * *

Как можно в поезде – читать?
Лечу, пьянея от цитат.
Вторичность слов – первичность – дня,
он весь сегодня – для меня,
он – из меня, за той чертой,
что маскирует немотой
пульс вечности, что птица влёт
и не заметив, проживёт.

Кто понял жизнь – тот не спешит.
Как тису нравится самшит,
как мимо тянется вокзал,
как верно то, что ты сказал.
А за окном горит стерня,
и это лишь начало дня,
туман, и в нём полмира спит,
и психоделика степи.

О чём ты, город? Ни о чём.
Гордишься старым кирпичом,
лохмотья лозунгов, реклам...
Ты не об этом. Может, храм
расскажет над бедламом крыш –
о чём растерянно молчишь,
и то, что ты имел в виду
в билетно-кассовом аду.

Как только пар сорвёт свисток,
поедем прямо на восток –
железный грохот эстакад
достал, как 25-й кадр.
Ямал по-русски – край земли,
там рельсы кончатся. Вдали
на белой простыни листа
очнувшись, вздрогнула звезда.

* * *

Мы дети Марфы. Это не изьяны
души – отнюдь, любовь к своим же детям,
которым надо – маму, крылья – рано,
сперва – ходить. Потом – за всё ответим,
да, за любовь – звериную, слепую,
счастливую, земную, плоть от плоти,
для хлеба, для воды,
для поцелуя...
нам тоже не отказано в полёте.

Мы – не обслуга, но в тщедушном теле
детей Марии дух куда как болен,
не выжить им, где им тягаться с теми,
кто дышит волей – во хлеву и в поле,
детёныши любимой несвободы –
быть человеком – быть за всё в ответе.
За стол и кров. За хлеб, и соль, и воду.
Неважно, что родился интровертом.

Мария ранит точностью деталей –
недетских, несмешных, неидеальных –
но скроет Марфа – серое, стальное,
холодное, сырое, продувное...

Скрипач

Всё рушится, как планы ГОЭЛРО.
Болит затылок и сгорает горло.
Но – шаг за шагом – в мир семи ветров,
в привычном рабстве у семи глаголов.

А как иначе перейти в полёт?
Не подходи. Не тронь. Не нарывайся.
Светло и зло над городом плывёт
мелодия цыганского романса.

В толстовке серой на сыром ветру,
неистово, вульгарно, балаганно
худой скрипач играет поутру –
нисколько не похожий на цыгана.

Мелькают лица, сапоги, пальто,
молчат угрюмо, сонно, дышат паром,
и джинсы-клёш русалочьим хвостом
метут сухую кожу тротуаров.

Природа крепко держит на крючке.
Рвёт струны отголоском урагана
студент с дешёвой скрипочкой в руке,
нисколько не похожий на цыгана.

В нелепой жажде вечного тепла
открыв – такой кефир не всем полезен,
отраву хлещет прямо из горла
сквозь ледяной сарказм рублей железных.

Вокруг спешат – подальше от греха.
Что воду резать – утешать влюблённых...
(Вольфрамтовая ниточка стиха
уже дрожит в гортани воспалённой.)

В осенний лес умчался вольный бес.
Со всеми соглашаясь – в знак протеста –
упрямо продолжает свой ликбез
худой скрипач – ревнивый гений места.

...Я это утро сохранить хочу –
как слабое капризное растенье.
Укрыть от ветра тонкую свечу
и Вербного дождаться воскресенья.

Кошка

С бесподобным презрением глядя в заплыванный день,
грациозно-лениво посверкивать радужным глазом,
точно знать – не пристанет ни хворь, ни какая зараза,
ни какая хандра, ни влюблённость, ни скука, ни лень.

Как чиста темнота! Тайну реинкарнаций храня,
наоравшись на крыше, мурлыкать победно, искусно,
в драке глаз потеряв – обрести драгоценное чувство
завершённости и полнокровия этого дня.

Занесённая ветром в мой город контрастов, в мой дом,
повинуясь природе своей, подошла между делом.
Как и я, отродясь не была ни пушистой, ни белой.
Те, кто видит в ночи – мы друг друга легко узнаём.

4.

*...отражая, нести молчаливый
невербальный утиный восторг,
осознание прилива, отлива,
томный запад и нежный восток
узнавая, тянуться над морем
на уютных послушных волнах,
по транзитной ликующей флоре
различая места, времена
года, века, сличать очертанья
берегов с джи-ни-эсом в крови,
пренатально и перинатально
чувять древнее эхо любви. . .*

*их немислимый дар –
возвращаться
на знакомые с детства моря.*

*... вот теперь начинается счастье –
приготовься и сразу ныряй!
Там, наверное, пахнет озоном,
дышат свежестью поры земли.*

*... Ничего, кроме сердца и зова,
пары крыльев и тысячи ли. . .*

* * *

Полупустой автобус – тоже благо
неистребимой жизни – сквозь войну.
Не перебежчик ты, простой бродяга,
не дезертир... Огромную страну
кроили наспех, ночью, по живому,
по-свойски – мы ж сочтёмся, мы ж свои.
А Спрут не спал и плёл свои оковы,
тенета, скрепы, ближние бои...

Он не отпустит – это баобабы
планету разрывают на куски,
как пел Экзюпери.
Страна могла бы –
но Спрут велик... И страхи велики.
Мы выжили, мы дети тех, кто выжил,
мы внуки их, – и вот идём во тьму,
и правда самых главных детских книжек
опять не научила ничему.

Ты говоришь с надменностью мейнстрима.
Не страшно, я привыкла – в меньшинстве.
Всё лучшее, что было – было мимо
имперской паранойи в голове.

Где сила есть – уму не удержаться,
не помогли семь пядей. За черту.
А на земле становится всё жарче,
но Арканар пока ещё в цвету....

* * *

Только дух удалось передать.
Ни кровинки в щеках – от меня.
Только миру открытое – да!
Только дух, цвет волос, нервный смех.
Только дух, ни кола, ни двора.
Только страсти хватило – на двух,
а у мира хватило огня,
правда, чиркнул кремнём – об меня.

Я ведь тише воды – до поры,
впрочем, как и вода – не всегда,
зеркала, вы не слишком добры,
только – дух удалось передать.

* * *

Как уберечь мальчишек от войны?
Тут не поможет ни семья, ни школа,
и так ли уж для этого важны
двенадцать форм английского глагола?

Мне новости приходят прямо в кровь,
минуя сайты, блоги и фейсбуки –
не НТВ же слушать. Катастроф
этических оправдывать не будем,

поехали посмотрим. Тут – война.
Совсем под боком. Рядом. С Украиной.
Во мне, внутри развёрнута она,
она в тебе, во всех. Нас раскроили

по их лекалам. Взгляд из-под моста.
Там те же, наши тополя и липы!
Мир в бесконечность верить перестал,
стал маленьким, несчастным, серым, липким.
Пиши своё и говори своё,
не слушай тех, чужих, они – прозреют,
из нас упорно делают зверьё
десятки современных фарисеев.

Нацбол – похоже на игру с мячом.
Похуже, доигрались. Знает мастер,
как перекрасить наше «ну и чо?»
в защитный цвет господствующей власти...

* * *

Эти женские танки-ботинки – к войне,
мода знает о будущем больше меня,
но слепая решительность есть и во мне,
дозревает отчаянный мой жерминаль,

белка СМИ носит вести дракона к орлу,
что-то кончилось в воздухе, утро горчит,
сахарин комплиментов вчерашних – в золу,
полновесны метафоры, что кирпичи,

речь становится ярче, но злее, черствей,
одичавшему времени не до стихов,
надо переступать арматурных червей
и сменить свои шпильки на танковый ход.

Впрочем, что за дела? Берегла, как могла,
сорок вражеских баксов за них отдала,
бог не выдаст, попробуй остаться собой,
не ввязаться в последний решительный бой.

* * *

Правды никто никогда не узнает.
Ложь победит. Прогремит назидательно,
станет учебником, лозунгом к Маю,
темой экзамена, хлебом издателя,

дети запомнят, кого ненавидеть –
тем горячее потом опровергнется.
Дерево правды ажурно ветвится –
осознающим себя человечеством.

Правда одна. Отпечатана где-то,
хоть в облаках – если люди отбросили
ветхим тряпьем. Правда – вето Завета,
нас сосчитают по осени – взрослыми...

* * *

Ищу, на что бы опереться.
Всё рассыпается, как мел.
И потому впадаю в детство –
как в самый нижний свой предел.

* * *

От рассвета темнеет в глазах –
мне нельзя слишком рано вставать.
Есть у жизни пружина – назад,
на колени, в утробу, в кровать!

Так хотелось её удержать –
нет, летит сквозь меня в никуда.
Камышинки-антенны дрожат,
светел ум – да рука не тверда.

Не осилил – а значит, неправ.
Ну куда тебя черти несут?
Ну не может быть здесь переправ.
Справедливости нет. Только суд

да анапеста радостный бес.
Православному Бог не указ.
Мир тебя вознесёт до небес –
после выронит столько же раз.

* * *

Я – то, что слепит парикмахер
с его критерием «красиво»,
я – то, что думает философ
и то, что скажет телевизор,
с патриотическим размахом
жжот диктор – что твоя крапива,
и доктор задаёт вопросы
и пульс считает с важным видом.

Чума на оба ваши сайта.
Трезвею. За окном светает.
Как пахарь, битва отдыхает,
аптека на углу закрыта.
Угрюмый дворник из горсада
сказал незначашую фразу,
и я его узнала сразу –
японский Фауст Ёсихиде.

Так дышат углекислым газом,
так совершают харакири,
так окончательно и сразу
выводят – дважды два четыре,
когда кончается кассета –
и нервно шуришься от света...

Под Гуково. Зима 2015

Север области. Снег, потому что февраль,
но не много – зима к нам добра.
К ним. Сидящим без газа, угля и тепла...
Мы – без завтра. Они – без вчера...
Всем – не легче. И глобус единый на всех
нас несёт, бестолковых, во тьму.
Что-то кончилось в небе. Закадровый смех –
«не достанься же ты никому!»

* * *

Бедный город!
И мальчики в касках.
Блокпосты,
пара спрятанных танков.
Что потом мы об этом расскажем,
как мы вывернем всё наизнанку,
что напишут на их обелисках?
Как посмотрим в глаза украинцу?
Непредвиденных факторов риска –
избежали? Ввозили гостинцы,
оголтело орали и ввали,
чтобы криком заткнуть свою совесть,
обучались имперской морали,
к роковому прыжку изговорясь.

Сонный ком, только ниточка кофе
еле брезжит во мне, извиваясь
чутким графиком, кардиограммой
ни на что не нацеленной жизни.
Белый сквозь аромат абрикоса
луч предутренний ласковый брызнет,
только чайки кричат виновато
и не верят в незыблемость храма....

Боже мой, как всё хрупко и страшно,
правда чаще всего некрасива,
медь и бронза батальных сюжетов
есть проекция крови и грязи.
Как её воспевают поэты
в дрессированной чистенькой фразе –
от газетной желтухи вальжной
до слепой пропаганды спесивой.

Мы и в самых серьёзных вопросах
остаёмся на уровне стёба.
Взявший меч от меча и погибнет –
не пора ли очнуться, для жизни?
Время лечит – а кто его просит?
Заметают сознание сугробы.
Снежный вихрь, задержись на изгибе
и возьми на крыло пассажирку.

* * *

Я полагаю, бог живёт в Одессе
и по утрам один выходит к морю,
чтоб солнце встало, несмотря на войны,
шторма и катастрофы во вселенной,
пока друг в друга целятся Дантесы,
пока считают – с нами это можно –
друг друга мирно подрезают волны,
благоухает ночь самозабвенно.

Скажу сегодня городу и морю –
стопа тоскует по твоей брусчатке,
а глазу сухо без волны искристой
и скучно без изгибов и лепнины,
ажурных крыш, мостков, уютных моллов,
когда опять запросит мозг пощады –
сбегу туда, где зелено и чисто,
где есть штрихи, нюансы, память, книги.

Конечно, здесь – в бутонах ранних улиц,
где площадь распускается несмело,
в листьях и во дворах, в случайной фразе –
я здесь дышу – уже не задыхаюсь.
Со мной всё ясно, я пошла на убыль,
на место духа прирастает тело,
но ум да разум не даются разом,
а бесов можно распугать стихами.

Он здесь живёт – где музыка рождается,
где статуям кивают светофоры,
где в перспективах сладко быть бродягой,
где зыбок свет, дрожащий над веками.
Равно свободны от идей, традиций –

тот не утонет в луже, в ком есть море,
по улице, к рассвету восходящей –
как по лучу... Излечит белый камень,

срастётся всё, и город держит нежно
меня в своих ладонях, как Венеру,
шаги едва касаются брусчатки,
пора отдать концы и взять начала.

* * *

А когда началась война – утро пахло речкой,
кот мурлыкал, искрился шерстью – ведь он не знал...
Это злые больные люди с вульгарной речью
стали падать, тянули мир, увлекли до дна.

Мир совсем неразумным казался – почти что сразу
поддался, сочинил легенду, спокойно спал.
Не привиты от геноцида, вранья, заразы,
чьей-то дури – мы долго прятались от зеркал.

Я не за и не против, мне неинтересно драться,
наше братство неистребимо – в реке вода.
Всё живое с живым – срастётся. Но от вибраций
шрам уродливый в нас останется – навсегда.

* * *

Я из тех, недобитых, по малости лет позабытых,
неучтённых статистикой, радужной и показушной,
недостреленных, меченых огненным соком обиды,
несогласных, нетрадиционных, неместных, ненужных.

Пригаси огонёк, рядом с горем улыбка некстати,
не живи – здесь война, а не утро в июньских ромашках,
ты родился не вовремя, знай своё место, приятель,
за версту обходи свои радости, аки монашка,

не до них. В этом сером аду все равны и безлики,
солнца не было на небе двести неправедных суток,
я цепляюсь за мир рыжей проволокой повилики –
просто неба живём, может, всё-таки включим рассудок?

Это я виновата – но как доказать свою правду?
Не смогла – я ж кричала, но кто же за громом услышит,
за стрельбой, за враньём, с БТРами через ухабы...
Разве что – первый снег. Или звон колокольчиков свыше.

В страшном месяце августе кладбищу нет передышки.
Нас спасёт красота? Эта радуга, блин, коромыслом?
Телевизор включу, просто хочется голос услышать
чей-нибудь, чтоб живой, не вникая в чудовищность смысла...

* * *

управляем каждый третий –
я, наверное, вторая,
но с поправками – на ветер,
несговорчивость баранью,
на слабо и на обиды,
недоверчивость и страхи,
утром – церковь, днём – коррида,
вечером – ... делить на страты
звуки строки, смс-ки
с дребезжащим тембром блюза,
бессистемно, неуместно,
медленно – так шар до лузы
не докатится, иссякнет
и впадёт в свою нирвану,
где китайским артефактом
капает вода из крана.
чувствую себя не очень –
сквозь песок ли, через воду,
через этот хвост павлиний –
не слышать, душат маски.
там, внутри подкорки, точно –
я бессмертна и свободна,
там ликует мой Эль Ниньо
тихопсихоокеанский.

Пусти меня погреться, Диоген!
(Э. Леончик)

мой зонт –
мой надёжный и маленький дом
потом
будут стены и дверь, а пока –
кап – кап
японской эстетики «просто цветка»
не стоит менять
всё равно не понять
излишества юрты, вигвама, дворца
зачем? Я сегодня не прячу лица
входи!
бомжи?
бездомности как состоянья души
в нас нет... почти
мы храним постоянство пути
мой зонт –
батискаф, уплывающий в мир (иной?)
смотри –
в нём по кругу одно
окно
и слегка
сыроваты полы
из веток, песка
и сосновой иглы
циновка из клёна
и хокку Басё
и всё...
улитка?
не хлопать калиткой,
не щёлкать замком...
в мой дом для счастья-
я немного
озона возьму и часть
притяженья земного...

Эмигрантское

Смятение – будто бы поезд не твой –
но дверь закрывают, стоянка кончается,
и на горизонте подсолнух качается,
и скатки матрасные над головой,
и ты удивлён, ты напуган и нем,
и странен себе самому, пассажирам,
а поезд летит,
и колёса стучат,
и окна, стоп-кран, подстаканники, чай...

Ты жалкий подкидыш, подброшенный миром
твоим, самым главным –
в какой-то другой,
транзитный, случайно летевший навстречу,
ты – мокрый младенец,
твой путь – самый млечный,
но тучи смыкаются над головой.

...Ты смотришь в окно – там козлёнок пасётся,
тончайшее солнце в кленовой листве
оплывило боль, расколело на две,
на три, на четы...
ничего, утрясётся...

А поезд несётся.

* * *

Чем сердце успокоится? Дорогой
неблизкою?
Прощением обиды?
Слезами? Чьей-то отповедью строгой?
(Паратова? Онегина?) Английским

уходом? (хлопнув дверью)
Мокрым снегом?
Обиженными дерзкими стихами?
Кромешной злобой от земли до неба?
Я пробовала. Только не стихает.

Окаменею, чтобы не раскиснуть.
Сейчас – нельзя. Живи в железной маске,
бумажный рыцарь (червь?) Из этой сказки
два выхода,
но я никак не втиснусь

в прокрустовое ложе компромисса.
Окаменею. Завтра будет завтра.
Мне ж только и всего – любви и мира.
А время –
неплохой транквилизатор.

* * *

Дальнобойщики слышат в пути дальний бой –
но они огибают войну стороной,
есть дороги в объезд этой спорной земли,
удлинились маршруты, границы легли –
через рожь и овёс след мазута в пыли.

Колосится, спешит, осыпается жизнь,
горькой думой исходит зерно, запершись,
но разрушен уют, всех в потоки сольют,
а просыпанных попусту – птицы склюют,

жизнь решается всеми, не так уж сложна,
нахлебавшись всласть, исчерпаешь до дна,
и спохватишься, трезвый, с тревогой в груди,
– разве ж только для этого ты приходил?

Вор гордится пылающей шапкой своей,
в одичавшей земле лагеря дикарей,
расходящийся раструбом арочный свод
вывел прямо и просто в семнадцатый год.

Так нелепо-условна прямая стрела,
как морщина на глади мужского чела,
дальнобойщик увидит все грани земли
и паром, уводящий в моря корабли.
Захлебнувшийся жизнями в ближнем бою –
под колёса Истории бросит свою.

Дорога в обход Украины

Я когда-то умела одна уходить в ноябри,
вот бы вновь научиться –
и пусть перемочат друг друга
все Дантесы, неважно, а значимо то, что внутри,
утро больше не просит пощады, срывается с круга,

власть фальшивит донельзя – наверное, будет война,
что ты, я ж пацифистка, я даже футбол не смотрела,
я когда-то могла, в ноябри уходила одна,
только как тут уйдёшь – отвлекает гипноз перестрелок...

Взять дорогу за шкирку и вытащить вдаль, за бугор –
это, в общем, несложно – но душу в объезд не направишь,
сквозь фантомную боль – неизбежный себе приговор
отовсюду – устами детей, и рассветов, и клавиш.

Пётр казнил бы меня – я всё время пишу, запершись,
а у нынешних хватка не та, комильфо – а туда же,
скрепы ищут – и степлером ржавым прошьют твою жизнь,
никуда не взлетишь – на обрезанных крыльях лебяжьих.

* * *

Сначала кажется игрой,
нелепостью, слегка за уши притя...
А после – словно спелый гром
над крепостью, а ты в нём – дитя
беспомощное, твой покой
разрушен, перекрыт интернет,
глядишь туда, откуда свет –
и видишь – там и окон-то нет.

Да ладно, гугл хром, не плачь,
не можешь так не можешь найти –
и кто бы смог, надену плащ,
уйду под дождь, придумаю стих.

Бронхолитин на брудершафт,
осенний лес и ливень грибной,
а что бессмертна душа –
бессильна перед новой войной.

* * *

Да зачем же мне, Господи,
эти детали?
Я давно уже всё поняла.
Я познала себя.
Ты не веришь?
Едва ли
мне помогут
Твои зеркала.

Я досрочно сдала бы
Твою курсовую,
но сегодня закрыт экстернат.
Вывожу по строке
эту пропись кривую
и не вижу
в чернильнице дна...

* * *

Запах корвалола – как стена.
Стоп. Кирпич. Шлагбаум.
Дальше некуда.
как ни упоительна война,
вам обоим не закинуть невода
в эту реку.
Истина живой
не даётся,
но живым позволено
становиться ветром и листвой
под защитой
звона колокольного.

5.

*«Я птица, птица, птица, птица» –
меня разбудит в полшестого,
и невозможно притвориться,
что это щебет, а не слово,
что не слежу, как Луч на листья
лёт изначальное – «любите»
и не спеша, походкой лисьей,
уходит по своей орбите.*

* * *

Простой и вечный – в генокод записан
закат над морем – где мне удержаться?
Уловлена. На этом мокром пирсе,
на облаках – нечитанных скрижалях –
оно пройдёт, оно уже проходит,
твоё земное, – так не стой, иди же,
волна всё смоеет, время перепишет
твой черновик – но чайки нервный хохот,
упругость гальки – цепко держат взгляды,
и годовые кольца свежих срубов
так ждут руки, твои шаги – награда
для волнорезов варварских и грубых.

Увы, мы предсказуемы. Сверяйте
все даты и законы, сны, приметы –
всё сходится. Всё будет повторяться
в веках – и так до будущего лета,
пока опять пронзит – и ток по мозгу,
и станет львом верблюд, а лев – ребёнком*
с волшебной флейтой, и на голос тонкий
пойдёшь по недостроенному мосту.

* Из Ницше

* * *

Твой случай хронический, я совершенно спокойна,
нет, весь не испишешься – пусть карандаш на исходе.
Зелёного света не будет – но всё же пропустит
решительный, с палкой в полоску, серьёзный мужчина,
имеющий власть разрешать – рифмы, восходы, восходы,
восторги, истерики, шизофрении и войны.

Ты в семьдесят первом? Я еду в четвёрке – не цугом,
а жаль – было умное светлое тихое время,
серьёзное, чувства нежнее и нервы целее,
и легче жилось – потому и ценили друг друга,
и небо, и землю – теперь никого не жалеем,
и первых – себя, только бьёмся о стену упруго.

Застройка похожа на графики курсов на бирже.
Испортили город – ну что же, хоть в форекс сыграю,
а что ещё делать с такой беззащитной планетой?
Срастить человечество – это задача поэта,
вполне непосильная, как и хотелось – за гранью
возможного, как горизонт – не становится ближе...

* * *

стих – как цветок, побег – ему укорениться
и тонких волосков сплести тугую сеть
пить влагу-соль земли, по изгороди взвиться
чья воля изнутри цветка велит раскрыться?
кто робкому ему теперь диктует – сметь?

и стеблем, и листом, и почкой, каждой жилкой,
и завязью живой, и корнем, и пыльцой,
сложилось, зажило, изжили, изложили –
так просветлеть лицом, и выйти на крыльцо,

и зашуметь в апрель прозрачной мирной сенью,
раскинуть кружева причудливых теней
пустить побег – дитя – росток – стихотворенье –
гармонии в нём нет – наверно, так честней,

пещернее, живей – сеченья золотого!
включите полонез и аромат листвы
давай поговорим, но не в карман за словом –
а в глубину, до дна, приёмы не новы,

ты помнишь, ты читал, не клиповым мерцаньем –
открытой книгой будь, не бойся, не порвут.
на ниточке висит, не тронут мирозданьем,
твой драгоценный бред и твой упорный труд

а духу нужен свет – не в блеске эмиграций,
не в мистике мессий – свой малый рубикон
увидеть, перейти, и больше не теряться
и внятно говорить своим же языком

стерильные душой и нежные мозгами
мы свалимся с луны и перейдём на ты

и будем собирать разбросанные камни,
дописывать стихи и поливать цветы

под серебристый смех венецианской маски
бумага стерпит всё (бумага, потерпи)
а наш тинейджер-век не знает о развязке
не станет опошлять вульгарным пересказом
клубящийся астрал полуденной степи

у Лукоморья дуб – весеннего разлива
детёнышей-листов – волнующих, волной
оставленных... дрожат коней зелёных гривы
у видящих в ночи всему альтернативой –
спасти и нанести свой мир на полотно

я по роженю – Кот. наверное, Чеширский.
то песню говорю, то сказку завожу.
смотри мне в третий глаз! я белый и пушистый,
и то, что я скажу, понятно и ежу –

наш паровоз летит – легко, как кровь по венам.
не уставай твердить – спасибо, что мы здесь.
особенно за то, что всё не совершенно.
используй то, что есть.
...молись о том, что есть.

* * *

Когда рождается поэма – в жаре, в пыли,
несвоевременно, не в тему – в подол Земли,
ненужная, бледнее тени – ты знаешь всё,
но лёгкий ветер вдохновенья тебя несёт.
И лязг, и хмурые водилы, и CO₂,
и полстраны уже забыло, что есть слова,
связующие стылый космос и глаз лучи –
ты говоришь, темно и косно – но не молчишь.

Кого здесь тронут ямбы, тропы, твой лёгкий стих –
в местах, где есть ещё дороги – но нет пути,
где выпускают из подкорки и боль, и страх,
где соль земли несётся с горки в семи ручьях,
подальше от скульптурной группы там, наверху,
от их спектаклей, сбитых грубо? Поверь стиху,
не бойся, говори – умеешь, не прячь глаза,
ты знал всегда немного меньше, чем мог сказать.

Пусть проза пишется неспешно, к мазку мазок –
а стих летит во тьме кромешной без тормозов,
водораздел строки, вершина, словораздел –
и вниз ликующей стремниной, ты сам хотел.
И бабочкой порхает сёрфинг по злой волне,
и строки хрупкие не стёрты, слышны вполне,
когда отпустит – в небе звёздном споёт гобой –
она возьмёт тебя в свой космос, так будь собой.

* * *

День такой, что, возможно, случится –
сбросить ношу и встать в полный рост.
Станным зрением видишь жар-птицу –
и хватаешь за радужный хвост,
ускользающий. Пёрышко вьётся
на ветру, исчезает в заре,
но сиянье в тебе остаётся –
ты был нужен ей в этой игре,
завербован, уже несвободен –
зреет плод в изумлённой душе,
может, только на это и годен,
не скупись, ты ведь понял уже –
изначальный посыл неприемлем,
мир под нас не заточен никем,
но особый твой месседж не дремлет –
что-то вертится на языке,
чуть горчит, будто корень имбирный,
забирает щенячьей тоской,
а потом прирастает – сибирью,
ниагарой, судьбой, лепестком...
Из пелёнок, сомнений, простуды
вырываешься на полчаса,
на просторах нетяпанной тундры
разведёшь полыхающий сад.

* * *

Новый лист, изумрудный и липкий, постой, не расти,
я ещё не рассталась с резным, прошлогодним, лимонным,
зацепившим вчера, уколотившим крылом махаона
и мерцанием спутника. Не успеваю, прости!
Мир, постой, пощади этот всё отражающий мозг,
говорящее зеркало – тёплое, слишком живое,
чтобы зеркалом быть. Я хочу быть тобою. Нас двое –
мир и я. В этом столько борьбы. В полный рост
не успею, не выдержит мой метроном. Невод пуст –
ох, мешают колонны и стены плохому танцору!
Не гожусь в музыканты, поэтому как ни сажусь –
не поймать эту музыку. Да, не из всякого сора...
Это пламя дрожит и коптит – потому что болит,
потому что живое и ровно гореть не умеет.
Разве можно из каждой перловицы резать камешку?
Жизнь целее в мохнатой ракушке на дне. И в пыли
воробей лучше чучела в лаке музейном. Слеза
о спасённых из хаоса строках светла и резонна.
Впереди только море затылков, и зрительный зал
бесконечен, а сцена теряется за горизонтом.

* * *

Лапкой куриной начертаны в мокром песке
шесть иероглифов – Сей Сёнагон отдыхает.
Где эта вздорная курица ныне порхает?
Вольного неба тебе и дыханья в строке!

Это не лестница вверх и не соты пчелы,
подвиг трёхмерный творящей с упорством завидным,
это попытка нащупать в пространстве узлы,
точки прорыва, каналы. Снаружи не видно

вечной готовности всем пренебречь и пролечь
вдоль по лучу, растворив анфиладу засовов,
словно стрела Одиссея – двенадцать колец
разом пройти и найти потрясённое слово,

волка с луною роднящее... Главное – быть.
Нам не дожить до конца фельетонной эпохи,
но спасены навсегда от нелепой судьбы
жертвой безмолвной стоять на краю катастрофы.

* * *

Мне поведает шиповник –
словно пифии оракул –
слаб огонь. Огонь не помнит,
что в нём тлело, что сгорало,

он всегда бывает чистым.
В чётких шрамах тонкой кожи
одинок, как нарциссы –
как нарциссы, мы похожи.

Что – стихи? Всегда – юродство,
беззащитность, форма бреда
или просто степень роста –
флаг стоит, а крыши едут.

Не мораль важна – а сказка,
хеппи-энд – продукт горенья.
У стихов одна развязка –
судорога озаренья.

Все хотят дойти до сути –
суть смеётся, ускользая.
А меня шиповник судит.
И поэтому – я знаю.

* * *

Я горжусь своим возрастом – столько прожить!
Этой прозы снега – как в пустыне арктической,
только некогда в ней разбираться – паши,
не высовывай голову. В призрачной лжи
даже легче, в стихии её хаотической.

Мне астролог советовал съездить на юг –
там и звёзды добрее, глядишь, и отвяжется
та планета, что тропку корёжит мою.
Структурировать мир – он разумным и слаженным
притворится, пребудет таким в голове –
где ж ещё, – всё срастётся, на целый мой век.
Я дождусь, поскучаю, пока у него
не уймётся болезненное шутовство.

Я свой мир не могу из осколков собрать,
рассыпаются связи мои в порошок,
с отвращением пальцы швыряют тетрадь,
ни строки за душой, тень тоски за душой.
Как слова тяжелы – это просто балласт,
для полёта, однако, нужнейшая вещь,
я их сброшу потом... В целом, жизнь удалась –
непростительно хрупкая в нынешний век.

* * *

Вот и снова Ивана Купала.
Прошлогодний костёр не затушен.
Мир трёхмерен? А блики на скалах,
монологи в районе макушки –
это как сосчитать? Знаешь, лето,
я когда-то умела быть точной,
и текущие формы предметов
не сбивали раскраской восточной.

Навалишенка... Ох, навалилось...
Поразила каньоном узорным,
растворила его в иллюзорном,
зыбком мшистом лесу.
Не свалилась
вниз с карниза – за это спасибо,
за резные пушистые глыбы.
Небо льётся, и льётся, и льётся
в пересохшее горло колодца.

По тропе живописной, с корнями,
научившей меня материться,
но корябаться бесперспективно –
вдоль реки, по неверному краю...
Это время разбрасывать камни –
как Серебряное копытце.
Что-то главное я упустила
в этой жизни. Потом наверстаю,

если стану листвою и травой –
будет время. Уйду с головой.

* * *

Каким языческим богам
молиться, чтобы солнце встало,
тумана мягкие кристаллы
осели вниз, к моим ногам?

Я не одна, когда пишу.
Мысль не нова – и слава богу.
Парадоксальную тревогу,
когда не пишется – ношу

на лгущем радостном лице,
не поднимаясь вверх из трюма.
Зане поэты – это цех
избыточных, живых, утрюмых.

Не тесен мир – да узок круг,
прекрасен, да недолог праздник.
И выскользнет кольцо из рук –
потом свеча, дрожа, погаснет.

Но – утвердить стихом свой бред,
раздвинуть стиснувшие кольца
и нанести посильный вред
морально-неподъёмной пользе.

Глумится явь, блазнится даль –
будь пристальнее, соответствуй.
И надо всем плывёт миндаль
дрожащей горечью из детства.

* * *

Такси! –
– дермисту закажи мою
фигуру ню а ля мадам Тюссо.
А время убегает сквозь песок
водой –
вода, увы, не друг огню.

Перевернуть песочные часы
и пожалеть уснувшего бомжа.
Потом, покрепче карандаш зажав...
Да ты смеёшься?
Если это – цирк,
обиду я, как шпагу, проглочу.
И выпью леденящий душу квас.
Не стоит зря проветривать слова –
ты знаешь всё, что я сказать хочу.

У вас четверг? А у меня шаббат.
Сижу фанза, пью чай
и жгу мосты.
Игра не стоит свеч. Сгорят листы
пожаром аллергии на губах.

Там, в переулке, дерево-змея.
Там каждый вечер падает звезда.
Её найдёт тинейджер, а не я,
и скажет восхищённо: «тема, да?!»

* * *

Мир, надёжный и прочный,
вмиг становится зыбким.
Расступается почва,
уползает улыбка.
Очевидное – ложно.
По прямой – не короче.
Несусветное – можно.
День – обманчивей ночи.
Всё наглядно и плоско –
без надежды на чудо.
И реакция мозга –
да беги же отсюда!

* * *

Функция этих балконов –
беречь старину,
смысла иного в них нет,
да они и не ропщут.
Так налетевшему ветру
былинку – струну
не отдаёт
в пух и прах разорённая роща,
так остаются на память
слова без корней,
только из суффиксов
с ролью утраченной неги,
так исчезают просветы вверху,
в глубине,
непроницаемо плотной
до первого снега.

Точку поставить – успеется.
Точка ловка,
зла и конечна –
щелчок на замке сундука,
выстрел контрольный –
растаю, сверну лепестки,
просто исчезну в рассвете
к исходу строки.

Безыдейное

Порой ромашку видишь на асфальте –
прошедшей сквозь граниты и базальты.
В волненье распустившись наизнанку,
стоит и вянет, инопланетянка.
Здесь солнца нет, и ветер не во власти
пыльцу носить. Что? Ах, не в этом счастье?
Ну что ж, ищи. Дыши, да без затяжек.
Начнём эмансипацию ромашек.

Не умничай – одёргивали в детстве.
Нежнее полотенца для младенца
по замкнутому контуру недели,
без выхода на завиток спирали
мой безыдейный гений сновидений
невинно врачевал стихами раны.
Он был слегка за гранью адекватата –
там, где и место, собственно, поэту,
не разделяя дольний мир на страты,
ступал ногой на голую планету.

Бороться! – однозначно вытекает
из информационного потока.
Но неразумный аленький цветочек
цвести цветёт, но корни не пускает.

...Да, для того и нужен – чтобы лаял,
колготки рвал, кусался, ставил лапы
на платье мне... ну что ещё ответить
на твой вопрос – зачем тебе собака.

* * *

Не суди,
всё значительно шире суда,
сквозь твоё решето
не пройдёт и вода,
слушай ветер,
на гаснущий парус гляди,
не спеши их назвать и убить,
не суди,
не дели – ведь живое.
Оно отомстит,
будет сорной травой
между пальцев расти,
будет птицей в мозгу
и змейёй на груди
шевелиться, шептать –
не-зу-ди, не-су-ди...

6.

*Пока не чудо, рукотворно –
как из лучей собрать звезду,
из кирпичей огнеупорных –
очаг, из блоков – виадук,*

*набросок вечности несмелый –
пока не спорится, плывёт.
Платье-маше. Рисунок мелом.
И едок дым. И ломок лёд.*

*Так много гредишь о свободе –
брось. Ха крыло – и вот летим.
Таллюцинации мелодий –
примета верного пути.*

*Полынный воздух электричек,
плетень скошенной стерни.
У этой канители птичьей
есть тоже скомканные дни,*

*но ведь – летят. Покинуть Тамельн,
пока не вырастешь большой,
своими нежными мозгами,
своей стерильною душой.*

* * *

Ты моё наказание за Евин грех,
чем дышу ещё – тем плачу сполна.
Верить значит – знать, что прощают всех,
так не всё ли равно, чья была вина,
чья невинность – семь вёсен – один ответ,
семь дождей, да у радуги семь полос.
Понимают ли? А прощают – всех,
и весной-виной утро занялось,
не поймёшь, то ли новости, то ли рэп,
то ли кто-то в эфире сошёл с ума,
то ли я адаптировалась к игре,
то ли это Китежа терема...

* * *

Я глазами люблю. Ты мне на уши вешай-не вешай
серпантин и спагетти – тебя я не вижу пока.
(Посмотри «Аватар»!) Я приму этот вечер на веру
и беспечно сгорю в травоядном огне языка.

Я волнуюсь всегда. У меня волновая природа,
не прими на свой счёт. Я почти не бываю собой,
я ведь многое знаю о страхе. Тапёр, не юродствуй,
постыдись, приглуши, лучше вовсе по-русски не пой.

Ты красиво хрипишь – хоть фальшиво, зато неритмично,
и не мне тут камнями кидаться – я, что ли, не вру?
Я смирюсь с негативной модальностью этого китча,
устаканится наше цунами, отпустит к утру.

Взгляд направлен на юг, как китайского компаса стрелка.
Там сейчас водопады и крокусы – глубже дыши!
Я глупею на солнце – до искренней радости мелкой,
до песчаного дна непрактичной славянской души.

Всё идёт под откос – хоть замешено серо и прочно.
Мир причешет беззубой гребёнкой, стремясь к простоте.
Только я ну никак не впишусь в пищевую цепочку.
Всё идёт под откос, но пока... Говори, что хотел.

* * *

И эти хризантемы переулки штакетник невысокий целовать-
ся шурша по листьям и вдыхая жадно их сырость глубину впрок
вплоть до лета до новой жизни – это невозможно и дождь идёт и
дышат хризантемы и мы пока не брошены укрыты любимы горь-
ко нестерпимо больно и радостно – ты нам велишь запомнить не
растерять я очень постараюсь легко быть маленькой в твоих немых
ладонях

* * *

Транспорт мечется в пробках, как шахматный конь,
испугавшийся визга, гламура и блеска,
ты вдали протекаешь осенней рекой,
отправляешь себе самому смс-ки,
преломляя во мне и хлеба, и лучи,
и цветного дождя косоглазый стеклярус.
Мы увидимся в этой искристой ночи,
приручим ненадолго пугливый солярис
моих токов и бликов, и снов, и слова
обретут, право слово, свободу молчанья.
Этот вечер коряв, мелковат, узловат,
ты один прозреваешь живое начало, –
и чего же нам больше – совпасть и идти,
и чего же в нём больше – огней или листьев,
или капель в безропотном их конфетти,
или глаз заполосных в несложном пути,
или звёзд-невидимок в сиянии мгlistом.
Аппетит не приходит во время еды –
видно, корм не в коня. Поднимите мне веки,
что ли, или избавьте от этой узды,
или тихо направьте в иные бразды –
и запишемся в маленькие человеки.
Я сквозь воду дышать без тебя не могу,
эквайзер частоты сведёт постепенно,
от меня до тебя – только сон на бегу,
только дождь, соразмерный ноктюрну Шопена.

* * *

*куда ты денешься, проснёшься и пойдёшь
по снегу, снегу, под деревьями в воронах
вдоль вечности в подробных воробьях...*

А. Месропян

А куда ты денешься – нальёшь в стакан молока – погасить отраву простым, имманентно чистым. Все фрагменты истинны – небо, грачи, река, – но неверно склеены, пазл не получился, инородным, лишним ты в нём торчишь звеном и звенишь от боли звоночком велосипедным – на проспекте, в пробке. Заладил опять одно – молока, свободы, воздуха... не успеешь, что ли, шестнадцатый твой черёд. Жди пока, бормочи стихи, до тебя ли, право, завтра будет суббота, утро, свобода – вот и подышишь, и выплеснешь на листки отраву.

Никуда не денусь – сверну от реки наверх, и спиной к рассвету – в набитый битком троллейбус, – к монитору. Винтик, колёсико, интроверт, обучаем, активен, – годен. Твоя валентность позволяет и то, и это, – и только дух корпораций ты не переносишь на дух. Боливар спокоен, но он не выносит двух ипостасей, он – лошадь. Есть слово – надо.

Никуда не денусь, всё будет, как в прошлый раз, колесо сансары не зря проходили в школе. Богу – душу, кесарю – нефть и газ, мне – слова и рифмы на радостном минном поле.

* * *

Здесь раньше был мой дом, теперь – чужой,
всё вымели, и духа не осталось,
здесь аура моя дрожит ежом
свернувшись, и сетует на старость.
Не насолю чужому киселю
в его уют, который не умею,
хоть и люблю. Я заложу петлю
и вынырну в зенит воздушным змеем.

Мы так похожи были – в горле ком;
я от клише, как от чумы, сбежала,
а ты погнался вслед за ним, влеком
естественным рефлексом подражания.
Не забросаю мячиками слов –
ты в этот теннис хорошо играешь
и отобьёшься. Нет, прямым узлом –
не бабьим – завяжу попытку рая
в одной отдельно взятой напрокат
дурной башке, зацикленной на мелком
щенячьем счастье. Не сказав «пока»,
проеду под кирпич с табличкой «Welcome».
Меня вспоили козьим молоком.
Куда ты, голубь, не сорвись с карниза.
Пусть вам поможет сохранить покой
высокое искусство компромисса.

* * *

Неугомонность вокзала похожа на жизнь –
ладно хоть так, хоть какой-то глоток кислорода –
пусть из подушки. Хоть кто-то отсюда сбежит,
я прослежу, как он сеткой минут дорожит,
как ему ветер причёску ерошит у входа.

Может, забиться щенком в самый дальний вагон
третьего класса? Не трогайте, не тормозите...
Вдруг в перестуке колёс померещится горн,
дальше – орган, и как в детстве – оркестр разрешится
свежестью трав и росой на берёзах – владей
целой планетой, природе своей не переча,
с невозмутимостью цапли, стоящей в воде,
с незамутнённостью зеркала узенькой речки.

Что ты всё время бормочешь? Не любишь весну?
Чтоб не любить, знаешь, много ума и не надо,
не удивил. Камыши по глазам полоснут,
ржавым ведром прогремит за окном эстакада,
станция... мал мала меньше – дома, гаражи,
остановились – конечно, напротив сортира...

Бегство – наивно. Но как излечить, подскажи,
стойкое тихое бешенство к этому миру?

* * *

Мой милый кактус, так мала земля,
что мы с тобой сошлись в одной квартире,
столь непохожие.

Я помню, как ты начинал с нуля,
горошиной дрожал в ночном эфире,
такой скукоженный.

Хозяин твой и мил и знаменит,
но он тебя совсем не поливает
рукою грешною.

Твой цепкий ум наверняка хранит –
две крепких скво никак не уживались
в одном скворешнике.

Змея на камне, и корабль в воде
следа не оставляют, как и слёзы
на подоконнике.

Я спрашивала знающих людей,
а где ответы на мои вопросы?
Лишь ты, зелёный.

* * *

...и поражение обрести, как благо,
лимон – полезен, вечера дыханье
прольётся длинным плачем – на бумагу,
на клавиши... слезами и стихами

тебе воздастся... Тяжело в ученье –
в бою ты будешь лёгкой и рискованной.
Кто в раннем детстве не любил качели –
тот в жизни закреплён по-штормовому.

«To be or not...» – с любой исходной точки
опять приходишь к этому вопросу.
Живая огнедышащая строчка
прощает мерзлоту суровой прозы.

Цинизм – защита утеравших веру –
нам ни к чему. И солнце на орбиту
вернулось – Бог не фразёр. Этой мерой
отмерено – ты стоишь двух небитых.

А триумфатор-то гляди, как важен,
глядя, как скупое радуется лету,
всему, о чём и не подозревает
его пустая звонкая победа.

* * *

Мир наэлектризован. Сотни мыслей
слетелись к непокрытой голове,
искрят, трещат, толкаются на входе –
не тут-то было. Не в моей природе
впускать так много. Ну одну, ну две,

а там – чем дальше в лес, тем больше шишек –
давай ты завтра мне перезвонишь?
На скользких сколах раненого камня
заблудшие овечки Мураками, –
мне сосчитать их надо. Извини.

Я ж капитан дырявой нашей шлюпки –
меня на берег списывать нельзя.
В энергосберегающем режиме
так, не любили, а слегка дружили.
Вперёд. Чем твёрже шаг, тем больше пыли.
оно верней, и ноги не скользят.

Всё хорошо, и я бы попросила
не подставлять мне барского плеча.
Краеугольный камень преткновенья –
период моего полузабвенья.
Теперь я долго буду излучать.

* * *

«Я тебя отпускаю»
На самое дно?
Как из лодки младенца –
пусть учится плавать.
Или учится плакать –
не всё ли равно,
как взрослеть?
Так и ты, нахлебавшись по праву
молока и просоленной горькой воды
шепчешь скованным ртом –
«далеко ль до беды?»
Ну и что? Ты ведь тоже рождён от любви –
Не цепляйся за лодку! Плыви!

Никого не зови – не спасут.
В этом суть.
Ни одной безопасной тропинки в лесу,
безобидной травинки в лесу ни одной –
но когда золотой колокольной стеной
встанет клён, и легко задрожат на весу
сотни пальчиков-листьев –
забудешь спросить,
справедливо ль настроены эти весы...
Это только свобода, речная вода
без пути и следа.

* * *

Мобильник замаялся – поиск сети!
Он ищет тебя и не может найти,
он хочет – про свежесть весенней горы,
парящей в лучах, и про то, что обрыв
сияет глазами наивных цветов,
и что-то ещё... понимаешь, не то...

Ты не позвонишь, даже если умру,
забьюсь, как улитка, в свою конуру,
обижусь навеки, уеду в Париж,
точней, чем в аптеке – ты не позвонишь,
и будет красивое слово – июль,
пронизано звоном цикадовых пуль...

Горчичник мимозы увял на окне,
ты светом в окошке светился во мне...
Эскиз пробужденья, тончайший узор,
сегодня – семь футов под киль кораблю,
настолько расширила свой кругозор,
что – вот, никого, ничего не люблю

Тотемы теряют волшебный заряд,
когда их – из леса. Ещё, говорят,
что те, кто ворочает камни – умней
того кто скользит по реке вдоль камней...

Апрельское

Не делая культа
из трели-капели,
не слушая лепета
и щебетанья,
вбирая всю прану
исхода недели
большими глотками,
часов не считая –
сбежать в воскресенье
сухого асфальта,
луча на затылке
и пышного бреда
в иных головах,
не усвоивших факта –
вхождения заново
в новую реку

Еврейская пасха
и похолоданье –
к цветенью черёмухи.
Мир закольцован
опять на себя же.
Так будет годами,
в апреле прохлады,
в июле плюс сорок

Я в будущей жизни
хочу быть индейцем,
чувствительным
к шорохам,
звукам, оттенкам
способным к предвиденью

с раннего детства,
неслышно, как тигр,
проходящим
сквозь стенку.

Апрель. Как в раю,
как дитя в колыбели,
как птица в гнезде,
как песчинка в пустыне
как взгляд – сквозь очки –
видит мелкие цели –
в подробной ненужной
избыточной сини.

Я в реку войду
и приму христианство –
зарок бесполезности,
высшего смысла
смирения в этом
трёхмерном пространстве
надежды проникнуть
в нездешние числа,

и камень смутится,
задет за живое.
Не делая культа
из пульта и компа,
сквозь библиотеки
в пространство кривое
уводит апрель
игнорируя компас.

* * *

«Снег идёт, оставляя весь мир в меньшинстве», без претензии на мессианство, и неважно, ложится ли он по Москве, в Будапеште, на пляжи Прованса, сказка Венского леса и Лысой горы, и домбайской божественной ели, в нём от хаоса ищут защиты мира, он в гравюры белит акварели по земле, вся планета – большое село с детской радостью, нежным румянцем, от войны, от беды, нищеты – замело и укрыло наивное чудо-крыло, хоть на день бы остался. Останься.

* * *

Поместись на сетчатке глаза
моего,
удержись, не исчезни сразу –
за листвой,
за ослепшим от зноя летом,
пылью стен.
Пусть растает картинка эта –
люминесцент
свежекрашенных стрел разметки,
пух, цветы –
всё сотрётся с жемчужной сетки.
Только ты...

* * *

Утешься, без эмоций.
Что ж, лучше не бывает.
Волна придёт и смоеет,
и камни обкатает
китайским крепким чаем
с мелиссой, с мятой, с мёдом.
А человек для счастья –
как рыба для полёта.

Хотел сказать красиво –
а вышло гениально,
но ты ж неприхотливый,
тебя не баловали.
Тут каждый лбом о стену
себе на радость бьётся.
Он знает себе цену.
Она не продаётся.

Как нитка за иголкой,
как драка за обмолвкой,
по зеркалу дороги –
в калейдоскоп заката.
С кем изменяет память?
Утешься пустяками.
Ты помнишь слишком много.
И так трещит башка-то.

Alter Ego

Лет с трёх... ну, с четырёх ведёшь
ты эту девочку за руку,
её беспечности порукой,
ведёшь сквозь ложь,
под дождь
и в рожь
над пропастью,
ведёшь, взрослея,
старая – а она дитя,
вприпрыжку, с пламенем шутя,
твою опеку презирая,
бросается от края к краю
любви, депрессии, свободы –
а ты упрямым кукловодом
пытаешься её спасти.
И два нетореных пути
слились в нелепую тропинку
и вьются где-то посрединке
между дорогой столбовой
и узким горным серпантином
с обрывом над чужой стремниной.
Кто выживет? Кто упадёт?
И что тогда другую ждёт?

Равноденствие

День равняется ночи, и тайным становится явное,
подсознание больше не прячет наивных секретов,
в зазеркалье уходит усталость, и линии плавные
образуют фантом, неразгаданный Юнгом и Фрейдом.
Март – дрожащим бутонем ещё не раскрытого крокуса,
и луна – исчезающей каплей гречишного мёда,
и покой равновесия. Мы никуда не торопимся,
оказавшись внутри зазеркалья, межвременья года.

* * *

Это город детей.
Их хотел погубить Крысолов,
только Ты не позволил.
Вдали от унылости взрослой
начинается детство пленительной негой цветов –
что же злым стариком
вырастает твой трудный подросток?

Этот город не страшный.
Он просто смертельно устал
от возни мародёрской в его ослеплённых кварталах.
И глаза изумлённых оттенков тускнеют, как сталь
на морозе, в себя принимая смиренность и старость.

Победила неправда.
А правда в дырявом пальто
шла по голому лесу за скудным своим интересом.
Роковую бездарность к пленительной жизни цветов
в словаре целомудренном мы называем прогрессом.

* * *

Моё тело – не то, чего я бы хотела.
А чего я хотела бы? Странное дело!
Может, ног от ушей?
Лучше – крылья за плечи!
Или нет – рыбий хвост и ершистый плавник.
Ненадолго. На лето. На вечер. На миг.

И меня их баркасы догнать не смогли бы –
я была бы большой.
Я была бы большой травоядной рыбой
с серебристой душой...

* * *

Умолкли пушки, музы не вступили,
и пауза всё тянется. Оркестру
доигрывать судьбу уже неловко,
но рановато уходить со сцены...

Я не свидетель, я субъект распада –
страны, морали, логики, культуры.
Нас больше ничего не держит вместе?
Лить ярый воск – гадать, что будет дальше.

Пар изо рта – а значит, с добрым утром,
черёмуха, холодная принцесса
на сонном ложе юного апреля.
Я всё пойму, но: облако – и корни?

Ещё один с пытливыми глазами
пришёл в наш мир и смотрит изумлённо,
и многословьем страх не маскирует,
молчанием – незнание предмета.

Закат сегодня ярче светофора –
такое злое маленькое солнце.
И где же всё его великодушье?
И как я буду жить, в него не веря?

* * *

Говоришь, Тебя нет?
Тогда чей это след на воде?
Чей упрямый отрывистый почерк на белом листе?
Я пройду, отражаясь, по зеркалу веры, паркету
мелких волн и сомнений, стараясь не думать – а где
твердь расступится и рассмеётся в глаза мои, где
уличишь меня в тягостном непониманье предмета?

7.

*Как славно мыть горячий белый камень
водой пахучей, солнечной, звенящей,
дождями, летом сотканной – из воли,
и с натяженьем – тетиной прохладной,
натянутой во мне, потенциалом
пружинки бытия, его ресурса*

*Последний дар – последним буйством красок,
и умереть и заново родиться,
так жить честнее – сквозь июль бессвязный
сквозь грозы, наводнения и птицы
перо, и сердце девы – беззащитно,
но до конца не знаю... Без гарантий
живут в полёте. Может, им зачтётся.*

* * *

Ни зимы, ни весны –
заливная унылая нежить.
Эти странные дни –
дни, которых практически нет.
Мы предельно честны –
не затеплится и не забрезжит
слабоумной надежды
надуманный приторный свет.

В заповедник страстей,
в мутноватую воду сюжета,
в этот город охрипший,
который согреть выхожу,
самых разных чертей
напустило прошедшее лето –
ничего не скажу,
и не трогай мою паранджу.

Приравняю к нулю
позабывший условности город.
Дождь простой и прямой,
как душа беспородного пса.
Равнодушно ловлю
нагловатый оскал светофора –
ну, красавец, гусар.
Ну и что мне красавец-гусар?

После нас – хоть пожар.
После – это ж не вследствие, верно?
Мы хотели как лучше –
поэтому шли босиком,

иногда – по ножам,
допускали, насилая нервы,
роковые излишества
вроде картин и стихов.

У высокой зари
грифы ждут восходящих потоков.
Здесь заложат костры
инквизиции новых веков.
Пусть бумага сгорит,
а слова возвращаются к Богу,
и озоновый катарсис
милует еретиков.

* * *

Пять вечера. Локальная свобода
и, кажется, весна. Кислей лимона
косит светило из-за крыш хрущёвок.
Сегодня отдохни на мне, природа.
Мир оказался густонаселённым –
гляди, нехарактерный для Ростова

прохожий непохожий чернокожий
по витамину Д скучает тоже.
Языческий призыв «Весне дорогу!»
бессилен, хоть дороги все открыты.
Что ж я пишу темнее Гераклита?
Троллейбус мой ползёт – и слава Богу.

Будь проще – завещал великий Дарвин.
Мы снова под собой страны не чуем –
такая уж страна. И не врачуют
на длинных ножках хищные тюльпаны –
пространство деформируют бездарно,
и даже дождь не смоем грязь с экрана.

Как хорошо, что есть ещё мобильник,
немногословный, но любвеобильный.
А то бы день рассыпался, наверно,
во всю шизофрению постмодерна.
Короткое дыхание свободы –
но в гоблинском корявом переводе...

Перспектива Стачки

Там, где сходятся в точку косые твои параллели,
каплевидные звёзды, дрожа, составляют пространство,
искривлённое ветром, тенями неверной аллеи,
над зонтом ещё небо, но взглядом туда не добраться.

Это дождь-архитектор штрихует неброский набросок,
представляя холодный апрель в самом выгодном свете.
Так наивны бывают блондинки и малые дети –
но спасают пейзаж лепестки Прометеевой розы.

Я зашла далеко – но не дальше, чем я бы хотела –
до себя, до утра, до морковкиного заговенья,
до источника слабого тока, простого предела
своего – астенично, шизоидно, но интровертно.

А весне тропиться и нет никакого резона
в суету, где и ночью – свеченье, круженье, движенье,
где берёзы на склоне растут под углом к горизонту,
игнорируя солнечный свет и закон притяженья.

* * *

И Дания тюрьма, и здесь – тюрьма
ничуть не лучше. Принц, а ты свободен
теперь? Не перемётная сума
слепой судьбы – а голый нерв Господень?

Офелия, в руках своих согрей
шалфей и мяту в этом горьком поле.
Из нервных клеток выпущу зверей –
пусть хоть они потешатся на воле.

Такая раздражённая пришла
весна – швырнула блики, почки, стаи,
от ветра юбки бьют в колокола
и расцветают яркими цветами.

Живое – прочь, в укрытие, в тепло,
и голосов их на ветру не слышно,
и – пыль столбом – поганю метлой
сметает хлам с лица Земли Всевышний.

Я спрыгнула с обрыва – но цела.
Отвязанность, ты знаешь, – не свобода.
Моя изба – без красного угла.
Лишь тень Отца
порой мелькнёт у входа.

* * *

Голова хоть и кость, а болит.
Что с ней делать?
Глушить цитрамоном?
Или сразу веслом? Мнемозина
развела в голове анемоны.
Анемичная бледная немочь,
видно, каши не ела, зубрилка,
горе мамино. Где амнезия?
Что ни мысль – бьётся болью о череп
изнутри. Посмотри – не исчезли
берега этих глаз? Прямо в темя
входит луч, расширяет сосуды,
зажигает огонь, ставит чайник.
Я – свидетель, немой и случайный
анемии, мигрени, простуды.
Пulsом бьётся висок. Это время
изнутри хочет хлынуть рекою
из упитанных сонных артерий.
Жалко времени. Эту потерю
мне ничто не восполнит другое.

* * *

Обострившимся зрением,
истосковавшись по лету,
различу сто оттенков
у спелого белого света,
разложу его спектром –
колоду сквозь призму пасьянса.
Не сойдётся, не жду –
свойство целого – непостоянство.

А холодный апрель –
как Адам, не вкусивший от древа.
Это белое солнце
пока никого не согрело,
Это белое облако
в белом простуженном небе,
в мёртвых молниях веток –
и не помышляет о хлебе.

Но фасолина сердца
апрелем уже прорастает.
Скоро иглы лучей
попадут в капилляры каштанов,
свяжут небо и землю
в единое сокодвиженье.
До смешного взволнована
этим известным сюжетом,

я сонеты сложу,
триолеты и кабриолеты,
безутешная радость во мне,
стосковавшись по лету,

по спирали души,
начав издали, робкой обмолвкой,
пробирается к центру
слепой патефонной иглой.

Будем вместе искать –
и наверное, вместе обрящем.
Проследим, как пунктир электрички
растает за рощей.
Я останусь –
стареющим, нервным, живым настоящим.
Не хочу быть
красивым, фальшиво-изысканным прошлым...

* * *

Вскипело – жердёлы дрожат пузырьками
и розовой пенкой ликуют на синем,
и Моцарт смеётся сквозь листья и камни.
А помнишь, вечер, под лучами косыми –
как плакали скрипки в жилетку друг другу?
Испуганный ангел отвёл мою руку
ещё до скончания долгого века
ростовского доброго грязного снега.

До боли прозрачно, навек однозначно,
очнулась в цвету – и никак не иначе.
И стала серьёзной, покорной и строгой,
почти непритворно поверила в Бога,
почти растворилась под облаком птица,
отчаянно хочется перекреститься
и маленькой стать под твоими руками.
И Моцарт смеётся сквозь листья и камни.

Чернобыль. 30 лет спустя

Не наступи на грязную траву,
иди по чисто вымытой дороге.
Стаканы взглядом двигать наяву –
не выйдет. Так, насобирать на ноги
по сто микрорентген, и как с куста –
цветов огромных, ягод придорожных.
Наука выживания проста:
чернику здесь нельзя. А груши – можно.

Дичь можно жарить, но нельзя варить.
А от тоски спасает только водка.
Рентгены – это так, побочный риск.
В подъезде тут несложно встретить волка,
отнюдь не двухголового. Ещё
здесь, говорили, славная рыбалка:
такой на лёску попадётся чёрт,
что для наживки ничего не жалко.

У сталкеров горящие глаза.
И граффити – на стенах, на асфальте.
Здесь невозможно жить, здесь жить нельзя,
но здесь живут. В граните и базальте
упрямых лбов. Герои? Не скажи.
В запретной зоне ценности иные.
Здесь бродят мародёры и бомжи,
романтики и солнышки лесные.

А саркофаг угрюм и нелюдим,
но тоже, как ни странно, внемлет Богу.
Родившийся некстати прям под ним,
малыш-тюльпан выходит на дорогу.
Земля горька, болезненно-щедра,
пока звенят дозиметры вполсилы.
Сегодня время камни собирать
и мыть деревья специальным мылом.

* * *

Вишня – в собственной пене, в стыдливом огне,
в нереальном мерцанье зелёного с белым,
вся в себе, и поэтому только – во мне,
этот свет, эта боль, этот зов... Это – Белла,
потому что мосты кружевами и сон
над рекою, и время мороженым тает.
Я опомнюсь, спасусь, отвлекусь, опоздаю,
неизбежно ударюсь о землю лицом.

Ежеутренний бег от себя и к себе,
ежедневное рабство почти добровольно,
ежеутренний бес ухмыльнётся в толпе –
то ли клык, то ли пирсинг на нижней губе.
Лепестки осыпаются – разве не больно?

Что-то веточка чертит на голубизне,
словно Сэй Сёнагон в заповедной тетради –
многомерное, хрупкое, вскользь... Это – Надя
смелым лучиком. Утро приходит извне
и кривить не умеет. Покроюсь корой,
но оставлю открытым рубец на востоке.
В инстинктивной попытке согреть свою кровь
бледной ящеркой вытянусь на солнцепёке.

* * *

Зимы – как не было. Наверно, страшный сон,
чистилище из пуганой подкорки.
Очнулся мир – истрёпанный, босой,
прозрачный. Горький, взрослый, непокорный...
В весну – без проводов и тормозов.
Глаза огромны и остры ресницы.
Так трудно начинать с её азов.
«Я видел всё» – на бледных тонких лицах.

«Что видел ты – забудь, забудь, забудь...» –
ласкает луч, щекочет – «мы играем».
Фантомный след оставила на лбу
беда неровным воспалённым краем.
И нас слегка качает от зимы,
и лес ослаб, он на ветру бледнеет,
но дышит мартом. Первобытной тьмы
полны озёра, побережья немы.

Сбежать ли от того, что наяву,
к тому, что – истина? Несложное задание.
Я заварю волшебную траву
и в щёлку подгляжу за мирозданьем.
Но там – всё то же. Путаный прогноз
о том, что доллар дорожает к йене.
А значит, хватит грызть граниты грёз
и заниматься йогой сновидений.

Ты помнишь эту церковь на холме?
Ты помнишь – возносилась и парила
в лучах и в молниях? Но, выйдя к ней во тьме,
не допусти дешёвой эйфории.

Весна влечёт сверх всяких вер и мер,
и назовёт её всяк сущий в мире мистик,
и, площадью в квадратный сантиметр –
живой детёныш, виноградный листик.

* * *

В море слов неухоженных
и стихов недописанных,
и туманов, створженных
мягкой пряжей под спицами,
в энергетике хаоса
всё найдётся и свяжется –
но часы усмеваются –
это только адажио,
вот пойдёт ускорение –
соцсетями уловленный,
бьёшься рыбкой смиренною.
Отыскать в многословии
суть свою изначальную
успевают немногие,
Верь в аскезу печальную –
в тишину. Одинокую.

* * *

Звездой в ночи – дежурный магазин
с рекламно-сладким суррогатным счастьем.
Ты в улице пустынной – не один,
а некуда идти – так возвращайся.
Его не закрывают на обед,
сюда за хлебом никогда не поздно,
здесь нищенка бормочет вялый бред,
корыстный – но насквозь религиозный.
Пусть бредят. Ты их веры не лишай,
их блажь дороже здравого рассудка,
когда всё то, чем держится душа,
едва-едва дотягивает сутки.
Тебе-то проще – дать ей пять рублей
и воспарить душой в иные сферы,
но это ж не избавит от проблем
евроремонта собственной пещеры.
Всё – суета. Весны паллиатив
отодвигает холод преисподней.
Неизлечимо-радостный Сизиф
опять пойдёт с утра творить свой подвиг,
являя всем натруженным лицом
старательную тупость эпигона.
Старухе нищей не свести концов,
не отмолить зомбированный город.
Спи в позе эмбриона. Ночь темна,
досмотрен фильм по первому каналу,
и нищенка поклоны бьёт за нас –
неискренне, но профессионально.

* * *

Бог есть! – а значит, всё позволено,
пусть даже неуютно кесарю,
запрет – в тебе, дели на ноль его
в геометрической прогрессии,

уже задела ссылку стрелочкой –
теперь терпи, пока загрузится
и разродится, и раскается,
отформатируй по возможности
весь диск. Дрожать над каждой мелочью?
Всё, что держало – да, разрушено,
пугает разве апокалипсис,
всё остальное – просто сложности.

А что осталось – то и значимо.
«Майнай!» – махни рукой крылатому,
спустившись, улыбнись бескрылому,
за безупречную сознательность.
Будь я китайским иероглифом,
я это так изобразила бы:
мир рассыпается на атомы
и разъезжается на роликах.

* * *

Вот и дом мой становится домом,
а не временным стойбищем чукчи,
ожиданьем. Здесь даже уютно
разным пришлым, пришельцам,
поскольку
недалёкие пропагандоны
не упустят в лице моём случай
утвердить свои мантры прилюдно –
я ведь с ними не спору, что толку.

Я купила в Косом переулке
или может быть, где-то скачала
увертюру воскресного утра, –
в этой музыке звуки Начала,
в шесть утра моя верная Букля
вносит почту посредством принтскрина.
Небольшая прополка в фейсбуке –
мой цветник, бастион и витрина.

Научилась спасаться работой –
отупение вылечит душу,
вечный сон – неплохой анальгетик,
только это уже переборхес.
Мне сегодня довлеет суббота,
время Ч, эти кошки-кликуши,
браконьерский нежнейший букетик,
частокол черенков вдоль заборов.

* * *

Мир сыплется – но амфибрахий
по-прежнему бьёт в барабан,
для всех, кто родился в рубахе,
ещё не пропела труба,
ещё не устали рассветы
окрашивать горькую тьму,
и всё-таки сбудется лето –
не нужное никому,

и в нём вострепнутся стрекозы,
и вырулит жизни соха –
от зыбкой предательской прозы
к стальному каркасу стиха.

* * *

Наверно, кто-то дал отмашку –
с холма посыпались ромашки.
Хотелось истово креститься –
не веря ни в себя, ни в Бога.
Всё относительно. Дорога
из-под колёс – в рассвет, навывлет.
Осколки сновидений в лицах –
так рано, мы уже отвыкли,
часы перевели куда-то
аж до Урала депутаты.

Разъезды, стрелки, перегоны,
боль полустанков, сцепок лязги,
пока страна торгует телом –
водой Байкала, нефтью, газом.
Унылый неуют вагонный...
Нет ничего страшнее степи,
берущей в летний зной за горло.

Машина времени сломалась,
оно теперь идёт по кругу,
трос оборвался и спиралью
без нас ушёл пространство корчить,
мы улыбнулись аномально,
пытаясь поддержать друг друга,
враньём, пропитанным моралью,
снимаем омерзенье порчи...

Март

На подиум троллейбуса выходят
хранящие следы магнитной бури
в беретах, потерявших актуальность
на нервной почве нервные цветы.
Остроты, друг о друга ударяясь,
становятся тупыми гольшами,
на лицах обострение веснушек
и выморочный отблеск немоты.

Троллейбус дышит – видимо, на ладан.
Я не поддамся этому шатанью –
давление не может пасть так низко!
Смотрю в окно – там праздник для детей.
Но Микки-Маус говорит не в рифму,
немного косо, и штаны сползают –
а дети наблюдают терпеливо,
прощая взрослым дикость их затей.

Под крышами – сосулк ксилофоны.
Всё зыбко, ненадёжно, даже небо
похоже на живую протоплазму
со спелостью молочно-восковой.
Дорога изогнулась бумерангом,
по жёлобу её протёк троллейбус.
А бумеранг летит – но он вернётся –
восьмой маршрут, я помню, кольцевой.

Начало

Было утро холодным
обещанием дня,
отсыревшая лодка
поджидала меня,
недосохшие кеды
досыпали на дне,
бесконечность рассвета
доверяла волне,

но рассыпалась рябью
злая дрожь по воде,
в суете, для порядка.
дождик землю задел,
очень юное утро
верных слов не нашло.
И от берега хмуρο
оттолкнулось весло...

Ханами

Стометровка вишнёвого рая,
лепестки – это сакура, воздух
дышит розовым. Так умирают?
И большие нерусские звёзды,
и пустое неяркое солнце,
и немые нерусские рыбы,
малоискренние японцы,
иероглиф бесформенной глыбы,

корабли.. только что же о грустном?
Мир велик, для войны он не создан.
странным тёплым волшебным искусством
поднимает он аиста в воздух
или там журавля... Кто мы, люди
или их ростовые макеты?
Что стоять? Зеленеет не будет,
переходим на сторону света!

Ангел мщения, гневный и хрупкий,
слишком многого не понимает –
кораблей затонувших скорлупки...
Хиросимы пустыня немая...

8.

*«В принципе, несложно быть фламинго!»
Ж. Дроздов. Из передачи «В мире животных»*

*В принципе, несложно быть фламинго –
розовыми перьями, ветвями,
мыслями – над блёклым сонным миром,
а деревья – стонут, травы – вянут...*

*Что плохого – просто быть фламинго –
с тонкими ногами первоклашки,
с длинной гибкой шеей балерины
и надменной розовой отмашкой?*

*Презирать защитную окраску
с дерзостью сестры протуберанца,
продлевать стремительную сказку
на тончайшем диалекте танца.*

*Видишь – приближаясь, вырастая
вольным отражением рассвета,
пламенеет солнечная стая,
пахнет апельсинами и летом.*

*Вдоль неё стекает космос зыбкий
в наши души прямо сквозь ресницы.
...Я скучаю по твоей улыбке,
улетевшей до весны, как птица.*

* * *

Вижу в арках моста золотые глазницы лемуру,
детский взгляд обещает невиданный всплеск, бесконечность,
а работать нельзя, нынче праздник, в том высшая мудрость –
выйти в мир, нераскрашенный и не отбеленный снегом.

Ела чипсы с дождём и вдыхала озон с креозотом,
отдыхала от боли и медленно в панцирь вползала,
это наше окно – я его не узнала на фото,
если так отстраниться – себя не узнаешь, пожалуй.

Город лишних подробностей и неприглядных деталей,
жалкой правды фасадов, туман негустой мокрой взвесью.
Никакими мистралями к нам не пригонит Мистрали –
ивы нам сохранили сияние жёлтого леса.

Тают звёзды в тумане – что в чае куски рафинада,
структурирую день на примере стопы. Или такта.
Изгоняю покорность сутулости плеч виноватых,
и дорога в сто миль начинается с первого акта...

* * *

На ветровом стекле икона:
не символ веры – признак страха.
А стёкла ломятся от света
и преломляют мой покой
о грань стекла и небосклона.
Мы возвращаемся обратно –
с идиотизмом деревенской –
к идиотизму городской.

Десятиклассницы-берёзки
вдоль автостреды белгородской...
О как же мерзок цвет асфальта!
Хочу в цветные города....
Жизнь снова входит в рамки долга –
нельзя расплёскиваться долго.
И чай на травах – «Травиата» –
в нас эта придурь навсегда...

* * *

В том и беда – тем тише, чем весомее,
а звонче всех звенит пятиалтынный.
И взрослые, созревшие подсолнухи
потупили глазницы золотые...
Пронзит парадоксальное смирение,
так хочется поднять его руками,
сказать – сияй! – но свет боится времени,
и вместо солнца поднимаешь камень...

* * *

Цвета голубого молока
дикой ли козы или ослицы –
небо сквозь наивность ивняка
делится теплом своим, клубится
плоская земля, на ней – Батайск,
Брейгелем на холст перемещённый,
разбегись с Рельефной – и взлетай!
Надо лишь обрезать шнур вощёный...

Неразумный поп тебя крестил –
то и дело ноешь – тихий ужас.
В год козла таким должно везти –
из сансары выбраться наружу.
На войне неверующих нет,
но война – не метод воспитания.
Страшновато бросить интернет,
двух соловых впрячь в свои же сани...

Не взлетают, ужиком скользя
по стране берёзового ситца.
Научиться этому нельзя,
этим можно только заразиться...

* * *

Кишка Фейсбука стала мне тонка,
вот-вот порвётся этот хлипкий пост
от нежности, от ярости, от звёзд...
Так мало говорю, и всё с рывка,
но вилкой чай мешать – гонять чертей.
Весна, цыгане шубы продают,
уже тошнит от всяких новостей,
от честных – тоже. Выхожу к ручью,

топограф – он что видит, то поёт,
не брезгует ничем, рисуя план.
Я выдам свой невольный перевод
волны, и в ней створжится туман.
Не загоняйте человека в Гугл!
Бывалый конь вдоль выжженной стерни,
младенчество травы на берегу...
Но сломанной воды не починить.

* * *

Если кто-то берёт твоё сердце и жмёт в кулаке –
не проси его быть осторожнее: он не услышит.
Скоро вы поплывёте по медленной серой реке.
А пока ещё утренний голос смиренней и выше
облаков – только не для тебя, ты идёшь, невесом,
глух и слеп для всего – только камень твой вечно с тобою.
Он ползёт по дороге с твоим потемневшим лицом,
удушая тебя всей своей неподъёмной любовью.

Больше нет ничего, кроме лютой собачьей тоски,
виновато влекущей свой хвост по асфальту и грязи.
Дай мне руку, старик, помоги добрести до реки,
донести до неё свой навек прояснившийся разум.
Отче наш повторяя с инертностью маховика,
соразмерив свой шаг с этим холодом, впрыснутым в вены,
словно пуля, поддетая лёгким движеньем курка,
буду тихо лететь, чтобы чётко впечататься в стену.

Ницшеанское

Если жестоко – значит, так надо,
если ты выжил. – значит, судьба,
можешь считать, что это награда –
где то повыше верят в тебя.

Если сорвёшься – падай без стонов,
помни – вверх ты идёшь не один,
сможешь подняться – значит, ты стоил
непокорённых тобой вершин.

Рвать себе волосы – уровень стаи,
а облысеешь – судьбу не вини,
позже воспрянешь – когда перестанешь
прятаться за уходящие дни.

Пусть парадокс в начале пути –
ждушим внизу его не понять –
надо сначала уйти. Уползти.
Только потом, если выживешь – встать.

* * *

Как выглядит тот крест,
который я несу?
Ремни наперерез,
весёлость не к лицу.

Точёный – на груди,
дубовый – на горбу.
Постой же, разгляди
хоть раз свою судьбу.

На внутреннем витке
спирали ДНК –
да полно, свой ли крест
несёшь в своих руках?

До глубины души –
и там, на глубине,
все ль средства хороши
в любви и на войне?

Река Чусовая

Как странно мне, что всё уходит,
уходит, как озноб из мышц,
уже усталость рук не сводит,
но больше не поёшь – молчишь,
и просыпаясь, ты смеёшься
над тем, чего вчера так ждал,
латаешь лодку, к печке жмёшься –
всё правильно – но ты устал...

Ничто вокруг не оскудело –
ни лес, ни камни, ни река,
но у тебя по плану дело,
сегодня – занят ты пока,
сегодня некогда остаться
с самим собой наедине,
а завтра – рано просыпаться
и – на войне как на войне.

Не страшно, что уходят строки,
всего вовек не записать,
а только – поджимают сроки,
уже пора себя спасти
от дел, от правил безучастных,
от обнаглевшей суеты,
от неслучившего счастья
и взбунтовавшейся мечты.

Рождение сюжета

Понедельник смотрит странно
и звучит дорийским ладом,
и взрываются тюльпаны,
детонируя от взгляда.

Скучно жить под одеялом
этих туч из синтипона,
и летит куда попало
неразумный воронёнок.

Воронёнок, вырастая,
станет вороном? Вороной?
Злым обломком чёрной стаи –
или конунгом с короной?

Воронёнка ждёт развязка
пострашнее пасторали –
а пока что эта сказка
не замарана моралью.

А пока схожу за хлебом.
Витаминки пахнут детством.
Утро выглядит нелепо,
выдернуто из контекста,

из кино, из сказок Шварца.
Провода висят печально.
Перезрел – и оборвался
несъедобный плод молчанья.

По Гонсалвесу

Я стряхну баркасы, баржи и лодки
и сверну зеркальный ковёр реки,
я пройду по дну, прочищая глотки
родников – от ила. Сквозь позвонки
отложений донных пробился остов
каравеллы древней – пускай плывёт!
И кораллу, что образует остров
дам лекарство, и вновь разверну ковёр...

А свобода всё не приходит. Где-то,
где скользит байдарка по Чусовой,
есть моей души золотое лето,
но к нему не пустит меня конвой.
Как из детства, вкус недозрелой вишни,
всё случится скоро – но ждать нельзя,
до китайской пасхи я буду лишней,
утлой щепкой вниз по реке скользя...

* * *

Айнур

Лунолика,
что затаил
твой румянец
на смуглом и нежном?
Что бы ни было –
сдерживать пыл,
слыть – и плыть по земле –
безмятежной.

Что бы ни было –
кротко смолчать.
Твой Silentium –
крылья у птицы.
Только утром, купаясь в лучах
восходящего –
пылко молиться,

свою веру неся,
как вино,
как невинность,
на донышке сердца –
«Дай вернуться в мою Астану
и не дай полюбить иноверца!»

Чужеземка,
ведь это – Москва,
ты же – здешняя наполовину!
...Осторожно
роняет слова
и скучает
по вкусу конины.

Полудетский
упрямый висок...
Сможет,
выдержит всё, королева!
А в ресницах –
надменный Восток,
недочитанный
справа налево...

* * *

Не успеваешь вылиться слеза,
от глаз назад отторгнутая словом.
Жизнь коротка – и всё-таки нельзя
всё время в ней захлёбываться новым.

Я не успела надышаться тем,
предутренним, рассветным впечатленьем,
но напозли десятки новых тем,
и каждой срочно нужно разрешение.

Уйдите все! Хочу наедине
с единым образом в себе остаться,
чтоб до конца, до чёртиков, вполне
наговориться или разрыдаться.

* * *

Не мигрень – открылся третий глаз,
под лопаткой больно – крылья режутся.
То меня сослали на Кавказ
за грехи кармические прежние,
всё теперь смогу – поймала нерв
тех стихий, что в реках льды ворочают,
пьют от солнца, плачут при луне,
молнию творят летящим росчерком.

Недисциплинированный мозг
всё права качает – всё позволено,
кто ему сказал, что он бы – мог?
Мы условиями обусловлены,
одурачены, обведены
вокруг пальца пущей осторожности,
только чтобы не было войны,
только чтобы мирно, по возможности.

Опрокинул кто-то Южный Крест,
нет контакта, только и останется –
отразиться в собственной сестре
через города, границы, станции.

* * *

Мы любили цифры в сыре,
пятилистники сирени,
дорогого не просили –
человек не этим ценен.
Загорали в междуречье,
в королевстве дикой ивы,
постигали русской речи
общие императивы.

Человек – он ценен детством,
выдержан в дубовой таре,
но – куда от мира деться?
Одинаковыми стали,
как-то переопылились,
но – не зная интернета
в перекрестьях полилиний
зарождаются планеты.

Звёздный дождь в моей теплице
светлым конусом струится,
в чумовой оранжерее,
где на ветках рифмы зреют.
Все желания исполнить –
семицветиков не хватит.
Речка детства сладко помнит
всё, что кстати и некстати...

КОЛХИДА (кавказский цикл)

Мамедова щель

Лес апрельский, твоим изумрудам гроза нипочём –
зажурчат родники, запоют ливневые колодцы.
Оплети мои мысли своим малахольным плющом –
ведь ему всё равно, он в любой голове приживётся.

Под зигзагами тисовых молний гремит водопад,
только ложе его – цвета детской ольховой кровати.
Прихожу – причаститься. Кривые мостки невпопад,
жёлтый свет валунов, неуклюжих и ласково-гладких.

Саркастичен весёлый листок молодой крапивы.
Духи этого места вселяются в ящериц юрких.
Запах скошенных трав, фимиам прошлогодней листвы,
быстрый шорох по камню её малахитовой шкурки.

Цвета чёрного чая ручья каменистое дно –
оттого ли я так по тебе ненасытно скучаю?
Горьковатой воды зачерпнуть, наиграться с волной,
инфантильным, языческим, светлым наполниться
счастьем...

* * *

Лес сырой и доверчивый, рослый и взрослый,
смотрит примула прямо и пристально – как ты?
По камням, по корням ухожу от вопроса,
от прямой непреложности этого факта –

ни во мне, ни вовне солнца нет – и не надо,
лишь бы ливень слегка моросил, а не лился,
лишь бы обувь покрепче – и можно исчезнуть,
затеряться чаинкой в листве под ногами
пастухов, под копытами крепких лошадок,
проходящих над бурной рекой по карнизу
этой кряжистой сказки, раскидистой песни
с валунами, корягами и баб-Ягами,

со ступенями к мокрой сосновой избушке
по вихляющей тропке вдоль дерева-змея,
впрочем, ни колобка, ни царевны-лягушки,
у Кавказа хватает своих берендеев.

Я простая паломница, здесь моя Мекка,
бессловесный источник единого смысла.
Веер – нет, фейерверк золотого с зелёным,
эти скалы – слоёного сизого теста,
этих рек цвета хаки крутые замесы
и тоннеля портал у высокого мыса
органично, естественно и непреклонно
составляют основы иного контекста.

Для воды понастроили много игрушек –
перепады, лотки, ливневые колодцы,

аквапарк! – и смеётся, и к морю несётся,
и звенят водопады светло и упруго.

Море белой кисельной подёрнется рябью –
все градации серого плюс бирюзовый,
и бегут серпантины, гремят эстакады,
всё течёт, всё меняется, с роком не споря,
остаются далёкие снежные гряды,
пожилого адыга негромкое слово,
и ребристое скальное дно водопада –
цвета мокнущих дров на крестьянском подворье.

Поезд

Как много звуков здесь, несовместимых
с пределом человеческих перепонок –
для чьих тогда? Зачем так громко лязгать,
гудеть, стучать, пугая рыбу в море
и птицу в голове,
зачем грозиться –
ведь каждый день, уже никто не верит,
и даже змей на проводах смеётся
лицом ромбическим с улыбкой жёлтой.

...Карениной давно не видно Анны.

* * *

Никуда не спешить и молчать – драгоценная роскошь,
я отвыкла от счастья не помнить, какой день недели,
прислониться к стволу, различая, как сокодвигеньё
резонирует с током моей непроснувшейся крови,
малахитовый глянец упругой магнолии трогать,
лёгкой белкой взбежать по стволу разметающейся ели
и услышать в себе ритуал вызревания решенья –
под кольчугой коры и вверху – под короною кроны.

Здравствуй, жёлтая бабочка, помнишь прошедшее лето?
Отчего бы тебе и не помнить свои воплощенья?
Вижу море, как странно, не в той стороне, не иначе
заблудилась – стволов хороводы, камлание ветра,
а всего-то – четыре привычные стороны света,
но поднимешь глаза – унесёт кружевное вращенье,
что за Мебиус всё перепутал и переназначил?
Прорастает бамбук сквозь каркас гималайского кедра.

Мой тюльпановый бог, мне пора, я тебя не забуду,
мне под небом твоим так дышалось свободно и сладко,
журавли возвращаются, всё ещё строятся клином,
охраняя устои людской растерявшейся стаи,
беззащитны, бескожи самшиты, доверчивы буки
с поперечным тончайшим задумчиво-светлым раскладом,
одноликие страхи назойливее повилики,
однозначно распознана лесом тревога простая –

просто умные дети так долго ещё не взрослеют,
никогда не взрослеют, становятся тоньше и хрупче,
чем курносый, с косичками, с ярким румянцем младенец,
крепко верящий в маму, в целесообразность процесса.
Злая нежность второго дыхания сомнения лечит,
сапоги-скороходы, подробностей жизнью на десять,
ухвачусь за соломинку слова, за призрачный случай
разгадать изумрудную тайну колхидского леса.

Ливень в горах

Вот так рождаются потоки –
взбухают вены, искривляясь,
по кочкам, впадинам, прорехам –
им всё понятно от рожденья,
безукоризненная точность
иных путей не оставляет:
по хаотичному рельефу –
куда диктует притяжение.

Мы здесь взрослее ясных линий,
шестого чувства, интуиций,
перешагиваем обух плетью –
когда на миг снисходит точность
прозрачной тайны Метерлинка,
потоку не остановиться,
и судорога междометий
рождает вязь корявых строчек.

Такое в жизни сплошь и рядом,
я не поддамся, буду гадом
осклизлым слизывать с ограды
Твоё пролившееся млеко,
меня подхватит – в эту реку,
и конь – сквозь грохот – чёрно-синий.
Восходят на свою Голгофу
кресты высоковольтных линий.

Лиственница

Стать деревом? – струиться, шелестеть,
дарить листвой и тенью, пить корнями,
не сдвинусь – мир во мне продолжить течь
прозрачными на вкус ночами-днями...

Не горевать, когда покинет снег,
последний снег – ненужный, лишний, жалкий,
цветные птицы прилетят ко мне,
заблудится в моих ветвях русалка.

Одной из тысяч дев – в колхидский лес –
стать лиственницей – длинной, долговязой,
жить сотнями сюжетов, бликов, пьес,
и сверху, с облаков – единой фразой,

и неразлучно видеть всех детей
своих – длинноволосых, длинноногих,
с очами в небо...
Ленту новостей
заменит ветер – мой приятель строгий.

Придут ко мне – кто очень ждёт весны,
и те, кто ни во что уже не верит –
в мой светлый мир звенящей тишины,
пружинящей травы заиндевелой.

Не буду знать бессилья и тоски –
меня со мной ничто не разделяет,
молитву пишут только от руки,
ветвями на ветру, эпистолярно...

Стать деревом... Вобрать рассвет седой,
кружить над белым синеватым полем,
искристым, кучевым... Держать ладонь
чуть напряжённой, как в реке – поскольку
не исчерпать...

Лаго-Наки

Сушняк укроет камни, чтоб не мёрзли,
берёзы-сёстры пьют единым корнем –
сиамские, и каменное море
волнуется, и дальних гор аккорды.

Здесь в мае снег – чем только люди живы –
святой водой и адыгейским сыром,
хвощи, плющи, хрущи по-над обрывом
да цветики альпийские пунктиром.

Лошадок длинношеих, длинноногих
фантомы зазывают в жизнь другую,
да к Фишту каменные дороги –
упругие косички сулугуни...

Кавказские туманы

Расти над обрывом, рельеф создавая –
над чёртовым пальцем, хребта поворотом
прекрасным, изломанным кедром Ливана,
к которому – тропы, с которым на фото –
кого только не было – дети и птицы,
ветвистые молнии, сизые тучи,
да тёрн вниз к реке – непролазный, колючий,
да карстовых гротов пустые глазницы.

Расти, принимая парады туманов
молочных, идущих по миру и граду
широкой рекою, небесною манной,
кисель берегов оставляя в награду
хвощам, захватившим лакуны и поры,
экспансии цепких корней облепили.
Среди легкомысленных лиственных – в гору
всё чаще чернеют суровые пихты.

Расти... Тут гекзаметры больше уместны,
тут равновелики, туманам понятны –
ну, может быть, Лермонтов... Что же до местных
наречий – горьки, лаконичны, но внятно
суровые смыслы на дне оставляют,
в молочной реке погребая обиды...
От страха немею – здесь водятся змеи,
пятнадцати видов – и все ядовиты!

Взорвались, на тысячу миль разлетелись,
и вновь устремились навстречу друг другу,
умаялись, сели в долины упруго,
избрав мегалиты мягчайшей постелью.
Мы вышли из моря, мы в море вернёмся –
за войнами землю упустим из виду –
дольмены останутся. Рыжее солнце
не вспомнит героев второй Атлантиды.

9.

*Я из тех, кому нужен – храм,
я – строитель его и жрец –
пусть из скромных – но свет играл
на сетчатке – и я в игре:*

*улетающее – схватить,
так и льнущее – отшвырнуть,
презирающего – простить,
мерить звуками глубину,*

*консервировать свет в слова –
это мой основной инстинкт,
это птичьи мои права –
сквозь неправду и страх – расти.*

* * *

Бессильно платье руки свесило –
а как струилось прошлым вечером,
как звёздным светом город полнился
и Ковш Большой тянулся к полюсу...

Но виртуознейшая грация –
наивный вызов гравитации...
Как странно, будто что-то лишнее
вошло сквозь поры в кровь, в дыхание,
челночным вылазкам улиточным
дам жизни гордое название...

Я этой серостью наказана,
унижена и в угол загнана.
(Я виноград люблю – с изюминкой,
подумаешь, какие нежности).
Утратил прелесть сольной праздности
мой город – хрупкий, ускользящий,
угрюмое благоразумие
и дождь – по самую Венецию...

* * *

Чай – не водка. Много – вредно.
Думать надо. Чай, не мальчик,
девочка. И с ликом бледным
(но прекрасным) скажешь – мало,
чай, не выспалась, не знала,
не сумела, не успела...
Не простят. Что им за дело? –
не доходишь до финала,
выбываешь из обоймы,
не умеешь по Карнеги –
строго, вежливо, корректно...
Чай – не водка. Много – вредно.

* * *

Это кто ж это в зеркале?
Видимо, буду богатой,
толстой, злой, деловитой –
хоть в сплетницы, хоть в депутаты,
хоть на рынок с метлой –
и на ней же ночами носиться,
окончательно взрослая,
ведьмой – уж если не птицей,
обращайтесь с вопросами –
буду учить молодёжь,
все смолчат деликатно –
и я не узнаю, где ложь,
упиваясь собой,
буду шествовать чинная, важная,
и своею судьбой драматической
потчевать каждого,
с полной чашей взойду –
не распробую вашего чая,
и в лесах, и в горах, и в стихах
откровенно скучая,
монументом себе,
на таких же сограждан похожей.
Блин, приснится же...
Бью зеркала, упаси меня, боже.

* * *

я исправилась,
стала роботом,
лошадиное
настроение
слабослышащих
ясновидящих,
пропадай оно
да не пропадом
в голове – мой диск
ди ви ди эр ви
кажет фильмы мне
третья молодость,
простодушная,
простодыря
за четыре дня
до ноябрьских ид
всё проверено,
мин – немерено,
что ж по-волчьи выть,
в пустой след звонить,
да окуривать
лунным ладаном –
луком репчатым,
гусем лапчатым
тут рисковано
земледелие –
лишь камлание
в три касания
от призвания
до признания –
арифметика
выживания

Ироничное

баклану – бакланово,
моллюску – моллюсково,
собаке – собачья и смерть,
знай ранг
своего назначения узкого –
не помнить,
не думать,
не сметь.
Не верь,
не проси и не бойся,
глаголами
хлещи свою душу с утра
и пеплом посыпь
виноватую голову,
и будешь по-своему прав.

* * *

Я остаюсь твоей аборигенкой,
Баксан, пусть этот душный южный город
плывёт по зною подгоревшей гренкой –
но без меня. Я буду каждой порой
вбирать нарзан, озон, идти до срока
по солнечной извилистой дороге,
где верх и низ условны. Только боги
твои решают, как бежать потоку,
где камню падать, что смывают сели
и под каким углом упрямой ели
противиться твоим ветрам жестоким.

Рождённый ползать – уползай навеки,
обрывки слов, прозренья и догадки
слились в живую бешеную реку –
кто ясно мыслит – ясно излагает.
А человек ли, муравей – пчелою
порхай по травам, ахай над цветами,
дивись – как щепка, унесён волною
твоей судьбы краеугольный камень.

* * *

Глина скользкая, глину размыло дождём,
тянет лапки-липучки, касания ждёт.
Окарина в ней, амфора – форма и звук –
ей бы грубую ласку умеющих рук –
и в огонь. Чтобы сжечь эту глупую боль
и узнать своё имя. И мастер любой
назовёт, ограничит, убьёт, сотворит,
после душу вдохнёт и на полку – гори.

* * *

Это дерево дикое –
выросло на перекрёстке
трёх опасных дорог –
из него ты не выстроишь дом.
Ночью стены белить
и замешивать звёзды в извёстку –
пусть искрятся, поют
над холодным ничейным прудом,
где с трудом, без труда ли –
ни рыбы, ни мяса, ни ила,
только тот, кто пугает енота,
творожит туман
и в печную трубу
пробирается, словно в карман,
чтобы выкрасть огонь,
что и так согревает вполсилы.

* * *

Представь, он не умеет плавать!
Ничуть, ни капли, ни на грош!
Вот так всегда – о самом главном
совсем случайно узнаёшь!

А то – плечистее атланта,
румян, как вешняя заря,
притом читает Ницше, Канта
и братьев Гримм – без словаря.

Слова, улыбки, фразы, жесты –
блин, гений чистой красоты!
Что за уродство – совершенство
без ахиллесовой пяты...

Где нет дыры – откуда ветер?
Где дыма нет – там нет огня!
Тот, кто умеет всё на свете –
неинтересен для меня.

А я ж хотела – дерзко, шумно,
и рассмеяться невпопад,
сказала бы – «какой ты умный,
а почему не депутат?»

Нет, всё значительно милее.
Хоть он и прёт на самый верх,
при этом – плавать не умеет,
а значит – тоже человек.

* * *

У фотографий не в меру счастливые лица –
я и не вспомню – с чего было так веселиться?
В юности радость – как радуга, горе – безмерно,
я бы не вынесла это сегодня, наверно,
не измельчали, – но в целом и не поумнели,
разве что дух успокоился в тающем теле.

Глаз машинально разыщет хоть что-то живое –
чахлый цветок традесканции за занавеской,
вечером в пятницу кажется – времени вечность,
но воскресенье на чистую воду выводит,
чувство вины – нехороший, трусливый советчик.

Теоретически вечной любви не бывает –
только практически я разлюбить не успею
воздух, оттенки его, кружева, переходы,
блики, следы на воде, перепады погоды,
сказочный арочный мост из гранёного камня,
чья красота столь невинно плывёт над веками.

* * *

Тебе не до нас в этой мороси,
заветренной встрёпанной ереси,
в курятнике нашего климата,
в гадюшнике нашей оседлости.
Ты в свете, в движении, в скорости,
мы – в зыбкой предательской серости,
мы в зеркале – битом, не вымытом,
без лишних деталей, фасеточно.

Мне кто-то вчера заблокировал
дисконтную карту лояльности.
Я мразь, пацифистка, ничтожество –
ни капли здоровой агрессии,
беззлобная жидкая киноварь
по жилам, прогулка на ялике,
реалий с иллюзией тождество,
наивных свобод мракобесие.

Последняя ясность – в акации
в пять вечера, в солнечном кружеве,
враньё этот мир исковеркало –
жаль, нет ни ружья, ни лицензии,
до сенсорной до депривации –
чистюли, романтики, лузеры,
страшнее разбитого зеркала
система отсутствия ценностей...

Путешествие

Рука касается стекла –
отдать излишество тепла,
а не согреть. (Кто думает о ближнем?)
Уткнусь в стекло угрюмым червем книжным,
в надежде слабой избежать беседы
с моим коммуникабельным соседом.

Вид законный так хорош –
то Васнецов, то Шишкин, «Рожь».
(Вояж в Москву сродни полёту в космос;
плебейская запуганная косность,
наследственная, многовековая
привычка ездить только на трамвае!)

Я вижу, как огонь горит
и слышу остигатный ритм –
и оторваться никогда не поздно.
Дома просты – так птицы лепят гнёзда:
всё впрок идёт, и то – нам жить не вечно.
(Безденежье нас делает беспечней).

Не буду соблюдать примет,
которых, слава богу, нет.
Устав от зрелищ – обратимся к слову.
Мадам напротив, не стыдись, Донцову,
я, пряча, (глупый пингвин), «Розу мира» –
мне страшно выдавать своих кумиров.

Играет память: иногда
отнимет что-то навсегда,
и вдруг вернёт – ржаной кислинкой в хлебе.
Я помню этот лес и это небо!

...Читаю долго – но пойму всего-то
процента три – по гамбургскому счёту.

Но ветер в голове так чист,
и стрижка – под кленовый лист,
и где-то бродит Болдинская осень –
её по городам и весям носит
пронизанное воздухом и светом
беспечное монашество поэта.

* * *

В день рожденья каждый – капельку ребёнок,
чистая страничка, радостный, хороший,
доверяет людям, голос нервно-звонок
и раним особо, и сговорчив – тоже,
и спасает утро голос в тонкой трубке –
даже если взрослый, старый и суровый –
на ветру трепещет, хрупкий и тревожный,
странно управляем странной властью слова.

* * *

Всё будет – стоит только расхотеть.
(А. Дидуров)

Вот бы мне зимой – это солнце!
Вот бы на потом – эту мудрость...
Вот бы в двадцать лет – эти джинсы!
Вот бы года в три – этот шарик...

* * *

Непростительно хрупкие
для текущего века –
кто такими нас выдумал –
тот за нас не в ответе.
Под смешными скорлупками –
страх и боль человека,
всеми homo-подвидами
КПД на две трети

распыляется попусту –
на рефлексии, слёзы,
мало выбросов радости –
больше вбросов убогих.
Не фальшивим, нас попросту
не хватает на позу –
лишь наскальная живопись
вдоль железной дороги.

Запах яблока в воздухе –
это память о рае
в мире слов неухоженных
и стихов недопетых,
время, место под звёздами,
душу – не выбирают,
неважны тонкокожие
тем, кто вытопчет это.

* * *

Утром спать до восьми – это редкостный дар,
мне, похоже, уже недоступный,
он закончился с детством. Какая звезда
подмигнула с утра, или спутник,
медитация – или слегка торможу –
сбитый пафос на завтрак полезен,
утро красит граффити наскальная жуть
вдоль сиянья дороги железной.

Можно даже в маршрутке остаться людьми,
это – родина, мы ж не скитальцы.
...Шёл по улицам солнечный луч, преломив
о трамвай музыкальные пальцы,
от искристых *allegro* крепчали крыла,
улыбались нам статуи в нишах,
а ночами лунища какая была –
а сегодня – такая лунишка,

несерьёзная, право – трущобы небес,
где-то слева пробился лиловый...
Постоянно скучаю сама по себе
и забыла, как звать моё слово.

* * *

Половодье, низовка,
ветер гонит тревогу,
просят солнца жердёлы
нераскрывшимся цветом,
гонит воду с Азова,
небо ищет Дажьбога –
но уныло и голо,
не особенно веря.

Дон сегодня не серый –
чёрный кофе с туманом,
камышы – клочья шерсти,
перепуганы сети,
городской сумасшедший
в одиночном пикете
гонит волны безверья
из лагун и лиманов.

Как цвета и оттенки,
море сути тасует –
от сермяжно-рыбачьей
к виртуально-безбрежной,
что-то выйдет из тени,
этот день зарубцует,
над волной замаячит
парадоксом надежды.

АПСНЫ (абхазский цикл)

В Абхазию

От таможенной скуки
все – мобильники в руки
и строчат смс-ки – «мы стоим на границе»,
нам шаблоны и зоны, паспорта и законы
заменяли поступки, подытожили лица.
Снять очки и улыбку, взгляд суровый направить –
как на фотке уродской на казённой бумаге –
на серьёзного парня – он, согласно уставу,
скажет веское слово – и под пёстрые флаги
с их открытой ладонью – к ней свою прилагаю –
проезжает автобус – через Псоу, на Гагру.

Дальше – горы. Прекрасны
и мудры. Гордый ропот,
грубый мир человека их пока не пугает.
От кривых ятаганов железной дороги,
берега разрубивших – убегает другая,
прямо в рай эвкалиптовый, к сердцу Колхиды,
к рекам быстрым, холодным, к лимонным деревьям.
Милым севером биты, выдавшие виды –
верим истово, нас оживят, отогреют.

* * *

Помнишь сок фейхоа? Монастырской деревни прохлада
и цитата из Чехова, словно открытка из дома,
недозревшие киви в ажурной листве винограда,
дегустация – не для меня. Вождеденно, искомо –
этот сок, золотой и зелёный, медовый, прозрачный,
с ароматом жасмина – в горах он едва расцветает,
а в долине плюс сорок. Апсны – край души. И удачней
не назвать и ребёнка. Апсны. Отражение рая.

* * *

Здравствуй, рай! Я тебя недостойна,
я немного погреюсь – и дальше,
в город, в карму, в сансару Ростова,
я с собой унесу карандашный
твой набросок. Мой почерк отвратен,
но на слух ты уже узнаваем, –
тем, кто в курсе. Чем меньше квадратов –
тем полней ощущение рая.
Столько моря – от края до края.
Столько неба – от края до края.

* * *

Вдоль Гумисты.
Она смеётся, дразнит,
не пустит дальше,
разлилась под корни,
под камни,
пригасила буйство красок –
темна, мрачна.
Убежище драконье.

Я как-то перешла
на Вы с природой –
стоп-линия
черкесского набега,
средневековых городов
уродство,
подробностей бытийных
неизбежность –

пугают. Я вернулась
в город белый,
я пятая колонна
в вашем храме.
А море, как дитя,
не повзросло
нисколько,
розовеет левым краем.

* * *

...Хребет диковинного мегазверя –
где голова, где хвост – абхазы знают –
на горизонте. Древние поверья
хранит любовь наивная, сквозная.

Их радость – лихо мчаться по дороге
за неимением скакуна – на «Ладе»,
не меньше ста. Хранит хребет двурогий,
спокойное блаженство в водопаде.

Миф. Просто и просторно – дом, поляна,
сад, виноградник, огород, ущелье,
коптильня... Дети Марфы. Сквозь лианы –
лимона плод. Пора. Конец апреля.

Бредут коровы дикие, худые,
с большим IQ – я здесь бы заблудилась,
без компаса. Бредут на запах дыма
отечества немислимых идиллий.

* * *

Над Абхазией – дождь,
над Сухумским шоссе, где весна
побеждает войну,
эвкалипты несут изнутри
спелый космос... Ты пьёшь
эту чашу сухого до дна,
это просто любовь,
это небо в тебе говорит.
Чья-то родина. Свет,
и щемящая нежность, и боль,
и тревожная гордость,
в сосудах пульсации сбой,
и сарказм – но не кровь,
хватит крови, пусть в жилах течёт.
Над Абхазией дождь. И весна.
И другое не в счёт.
В рот набрать кипятку
и абхазское слово сказать.
Этот дикий язык
придыханьем терзает гортань,
этих чёрных одежд
нагляделся разбитый вокзал,
пик отчаянья пройден,
сложнее сорваться за грань.
Если родина – страх, злая сила, циничная ложь –
тем сильнее жалеет её мой простуженный дождь...

10.

*Календарные праздники вечно некстати.
Чёрной птицей в углу затаился рояль.
Толоса умолкают, цепляясь за скатерть,
и звенит, констатируя радость, хрусталь.*

*А в застолье никто панцирь свой не нарушит,
хоть никто не молчит и не любит цепей.
Безнадёжно – врываться в закрытую душу
с абсолютно ненужной любовью своей.*

*Мы опять заклинания проговорили,
повинуясь загадочной магии числ,
но в бессолнечном городе нет эйфории –
только трезвость, ответственность и мелочный смысл.*

*А на кухне живёт добрый зверь холодильник,
птица-чайник волшебную песню поёт.
А наутро трезвонит забытый будильник,
обижаясь всерьёз, что никто не встает.*

*Мой будильник стоит предо мной на коленях,
умоляя на чёрные стрелки взглянуть.
Поздно. Я уже знаю, что время есть тленье,
надо просто уснуть. Не во времени суть.*

*И хлопушки взрывали, и торт задували,
и стреляли шампанским, и чайник свистел,
но никто не услышал призыва рояля –
хлопнув чёрным крылом, он в окно улетел.*

* * *

Я приеду в июне –
и пусть это будет паролем,
словно крюк на заброшенной вверх, на защепку, верёвке,
по которой сумеем добраться.
Конверт бандероли
доплывёт, как кораблик – всего-то осталось дней двадцать.

«Я приеду» – как будто бы это хоть что-то решает,
как залог радикального и несомненного лета,
Пусть гора не пришла к Магомету – оранжевый шарик,
улетая, не тает – и это надёжней билета.

Я приеду. Я сяду на грустный безрогий троллейбус,
заблудившийся месяц назад в голубом переулке.
По изнанке души белой ниткой заштопанный ребус
разгадаем вдвоём ранним утром на улице гулкой.

В каждой луже – Венеция. Истина в каждой погоде.
Ты и правда со мной? Так держись глубины и не бойся!
Я поверю тебе, что и впрямь от меня происходят
безутешная радость и непоправимая польза.

Ну к чему – в сумасбродном, нелепом, разодранном мире
одуванчики звёзд – ярко-жёлтых и белых, созревших?
Пусть ни разу ещё дважды два не равнялось четыре –
мне хватает и двух – параллельно петляющих рельсов.

Кипарисы парят, подавляя своим благородством,
пересмешник-ручей, растворивший печали долины.
Перейдём – дорастём до границ настоящего роста,
без наивной копеечной злой суеты воробьиной.

Желторотая улица утро встречает прохладой,
на балконах дрожащая радуга детских колготок.
Осторожней на третьей ступени минорного лада,
не шути с невесомостью. Можно взлететь где угодно –

в школьном зале, пропахшем стоячей водой батареейной,
у рояля без струн и без верхних пластинок на белых
разгадаем дыхание левого берега Рейна
и фонтан под дождём (тавтология!) – в пальчиках беглых.

Ничего, что антенны развёрнуты мимо эфира –
да о чём говорить, если мы бесконечно знакомы?
Верить снам и приметам, параметрам внешнего мира –
всё равно что ключи подбирать, когда ты уже дома.

Не тупик – просто узкий и длинный кривой переулок.
Он зарос лебедой, крапивой и корявым забором.
Всё срастётся. Опасное место для пешех прогулок –
но ручей-то течёт. Вдоль по руслу – и вырвемся скоро,

и возьмём хоть на время без спроса автограф у лета –
чтобы травы, цикады и диск апельсиновый лунный,
чтобы в маленькой церкви на Троицу – «многая лета»
сквозь магнитные боли земли. Я приеду в июне.

* * *

август – прохладнее строже взрослее
лето – уверенно-синего лада
классика, шорты – примета плебея
в ликах отчётливей дышит Эллада

август, оттаяли и продышали
место под солнцем – и место для солнца
в робкой вселенной Деревья ветшают,
дарят плоды, никакой подтасовки

август – излишество, роскошь, награда –
страннику, пахарю, барду, поэту,
не изгоняют из райского сада,
со стервоточиной яблочко это...

не умещаются плотные струи
в узкое горло большого кувшина,
не согласуются реки и руны,
не проглотившие боли аршина

лето – не кончится это же просто
надо же верить судьбе хоть немного
надо всего лишь уменьшиться ростом
снизить чувствительность там, за порогом

* * *

Ровно в пять это дерево
станет трубой,
тыква – крысой
и бочкой от кваса – карета,
ровно в пять хлынет дождь
и закончится лето,
разводя и взрывая
мосты за собой.

Поезд «Ростов–Москва»

Что ты нахмурилось, лето? Гляди веселей –
рябью запуганной тихой реки-недотроги,
ровным пробормотом лимонно-зелёных полей,
схваченных узкой серебряной лентой дороги.

Я разгляжу торическую нищету,
мокрые избы и церкви, забытые Богом,
словно в плохой мелодраме – возьму и сойду
где-то на маленькой станции Сбоку Припёка.

Выброшу сборник сканвордов «Реши для души».
Где-то под горкой пронзительно вспыхнули маки.
В этом раю, в обойдённой странею глуши
что-то о вечности ведают даже собаки.

Я разыщу под Рязанью заброшенный пруд,
дрянь заросший – и время замедлит скольженье,
и полюблю монотонный бессмысленный труд –
тот, для которого в мире используют женщин –

надо же что-то любить в этой жизни. Весну,
шок половодья, березки, ромашки, колодцы,
буду грибы собирать, ежедневно тонуть
в сладко-дремучем алёнушкином болотце.

Что-то библейское в лицах людей на заре.
Только меня незрелое солнце не греет.
Эти леса, заливные снега в ноябре
видно, уже никогда не признают свою,

выбросят – в скорый, грохочущий мимо судьбы,
в рокот метро, формирующий клиповость мысли.
Буду колодцы и маки, пруды и грибы
переключать на экране компьютерной мышью...

* * *

Не ожидала... Сквозь туман стекла
плывёт люминесцент в пастельной гамме,
пятно прохожего, размытый свод ствола –
и вторят с двух сторон колокола
восторгу и круженье под ногами.
О где ты, Клод Моне? Соедини
восторг и боль в нетленные сюжеты –
для нас, незрячих. Красоту верни
в ослепший мир врачующим скольженьем.

Наверно, скоро Троица. Чабрец,
шалфей и мяту бабушки выносят –
нам, маловерам... От травы добрей
мой город. Руки с сеточкой венозной.
Офелия состарилась... Напор
безумных глаз погасит укоризну
и упрекнёт – ну что ж ты до сих пор
не научилась доверяться жизни?

Офелия, подруга, помяни,
сомни полутона петунии втуне
в своих молитвах. Долговязы дни,
шестую ночь сплошное полнолуние.
Моя черешня, грустный спаниель,
давай плести венки твои в сонеты.
Мир до утра не спал, не пил, не ел –
я ж не одна такая в интернете.

Метро «Третьяковская»

Как воздушный пузырь, поднимаюсь со дна этой бочки,
на поверхность свинцовой воды, прямо к небу и свету.
Не успею вдохнуть, зачерпнуть клейковину листочка –
и забьюсь на песке, и вползу в наступившее лето
дождевою улиткой, под щедрым лучом распрямляясь,
вспоминая о сути своей, забывая о страхе;
согревая, балуя, любя, каравай преломляет
африканское лето в сияющей белой папахе.

Брошу в воду венок – приношение гению места –
одуванчики с горькой молочной и клейкой начинкой.
Мы хотели так много, любили и стоили мессы,
не нашли себе места, сбежали, пари заключили
с этим миром – и он оцетинился, зимний, колючий,
мишурой в двести вольт, и ежи обнажил – против нас-то.
Мы хотели любить его, да не представился случай
объясниться – и вот расстаёмся порою ненастной.

Будьте бдительны. Не упустите за болью и страхом,
за холодной унылой усталостью кромку рассвета.
Мне легко говорить. Да и вам полегчает с утра, хоть
в душегубках маршруток беснуется дикое лето.
Тут – истерики от безысходности в душных квартирах,
там – спокойная старость на солнечных пляжах сосновых.
Тут – надсадная гонка за самым простым, примитивным,
страх утратить последнее – мелочный – снова и снова.

Отпусти меня, родина, пальцы расслабь мне на горле,
дай озона вдохнуть, отдышаться на сочинских скалах –
мне ведь много не надо. Свободы – и горе не горе,
поводок подлиннее и время дышать. Отпуская,

ты, возможно, вернёшь нас – к природе, к рассудку и свету,
к этой прежней валюте, она ещё кое-где ходит.
Если нет – значит те, кто добрей и слабей, не уедут,
но впадут в мракобесие – наш социальный наркотик.

* * *

Я расскажу о Таиланде, где я ни разу не была. Не хватит робкого таланта живописать мои дела, наш быт нелепый и суровый, страну в плену бандитских рук, ненужность музыки и слова в краю откатов и воруя. Я расскажу о Таиланде, мне говорили, там живут совсем не так, легко и ладно, не пропадает скорбный труд, они честны – что нам неясно, городим философий строй о том, что зло не безобразно – необходимо, и застой – предвестник скорого расцвета, а там – уже, без лишних слов, и каждый радостен, приветлив, и ближнему помочь готов, и океан ласкает взоры, и в каждом доме есть бассейн, а многоуровневый город венчает виадуков сеть, непостижимых нашим узким, кривым, зашоренным умам. И говорят, там много русских. У них стеклянные дома, в окне – приливы и отливы, совсем дешёвая еда, там очень просто быть счастливым, что здесь возможно не всегда. Там большеглазые лемуры ласкают пальцы на руке, и Будды мягкие фигуры – в траве, на площади, в песке, там охраняют бодхисатвы устой разумный и простой, там год две тыщи сто двадцатый – вот почему такой отстой в родимых наших палестинах – давайте сменим календарь? И разведём слонов ретивых на трассе Сочи–Краснодар, и сменим левый руль на правый, а чтобы не сойти с ума – засеем правильные травы, вдохнём чарующий ку-мар и развернёмся деловито, воров начнём сажать в тюрьму и есть кузнечиков, улиток, а не тупую шаурму.

* * *

Автобус. Ливень. Кислорода нет –
в подводной лодке окна не откроешь.
Поехали. Четверг, двадцать второе,
плюс аллергия – весело вдвойне.

За что-то мстят мне кофе и вино.
Я в прошлой жизни выбирала пепси?
Букет моих безжалостных рефлексий
сегодня с атмосферой заодно.

Но проступают на деревьях руны –
и очень робко обещает день
не десять соколов на стадо лебедей –
а вещие персты на злые струны.

Иголкой острой протыкаю город
и, вынырнув на этой стороне,
природу Будды, спящую во мне,
сверяю с указаньем светофора.

Кто победил, понятно и ежу.
Что Будда? Он и слова не проронит.
А я уже на площадь выхожу,
готовая к труду и обороне,

к безделью и к побегу в странный день.
Ну сколько можно – многоруким Шивой?
Теперь одна проблема – похудеть.
Всё остальное как-то разрешилось.

Не передаст мой ломаный язык
всех тонкостей ростовского базара!
Вот так столкнёшься с запахом кинзы –
и улетишь из колеса Сансары

до вечера. Спасёт остатки дня
мимозной крошкой звёздное плацебо.
И вдоль реки воды река огня
безропотно впадает в море неба.

* * *

Что, бумага, нестойкие знаки твои
расползутся по комнате, как муравьи,
уменьшаясь до точек.
Их поди собери, вот у компа внутри –
сеть незыблемых строчек.
Много буков, тома, не сойти бы с ума,
стеллажи занимают,
в них так долго искать,
в них такая тоска,
что они понимают...
Электронное облако пойманных птиц,
сжатых их аннотаций
сохрани обаянье бумажных страниц
стань родным, попытайся.

* * *

Что от меня останется – брешь в пространстве,
стылый сквозняк да негромкий протяжный свист.
Ближе к утру вдоль перрона маленькой станции
ветром протянет случайный тетрадный лист –
можно скачать с потрохами и брать руками,
острых краёв коснуться – и полоснёт,
снизил порог – и капля отточит камень,
дробным отточьем коснётся первооснов,
пусть нелогично, тропами Хо Ши Мина,
дикорастущий зов побеждает долг,
месяца честная звонкая половина
властно и весело выправит твой глагол.

* * *

Мой летящий анапест,
ты бог на своей колеснице,
лётся слово, как олово –
только б не в землю пролиться,
спицы плотно сливаются,
кудри сплетаются ветром,
но кончается нить –
не тянуться же ей километры,
нить – клубочком под горлом,
клубочек из снов – он конечен,
только хвостик покажет –
и всё погружается в вечность,
тонешь в ней, онемев,
нет в тебе даже слова «не надо»,
но в зерне перемен
вызревает твой новый анапест.

* * *

Плывёт по малому заливу
недалеко заре навстречу
мой углый челн неторопливый,
там мимолётный дождь картечью
по водам – и опять сиянье,
и парусник снуёт повсюду,
как водомерки.

От слиянья
двух рек убережёт нас Будда,
я не плыву, я созерцаю,
здесь цели нет, есть только утро,
воды дискретное мерцанье
сквозь сетку цвета перламутра,
счастливый пёс в заре несётся
вдоль кромки, слизанной волнами,
рассеянно ерошит солнце
камыш, песок под валунами...

Мантры

Выбрить тонзуру,
солнцу подставить,
демоны, сгиньте.

Всё по наитью,
собственно, сдуру,
не по уставу.

Киньте нас оземь –
мы не заметим,
крылья поднимут.

Смерть – просто осень,
не бесконечны
белые зимы.

Небезупречны,
глупо смешливы,
неистребимы,

тонем в наиве,
пленники речи.
Демоны, мимо...

Нет, не терновый –
солнечный венчик,
не по уставу,

вспоят гипофиз
первоосновы –
солнцу подставить.

Сокодвиженье
в мире очнётся
и заструится

в острых, солёных,
вечнозелёных
листьях и лицах,

скорбных главою
вечноживою –
демоны, сгиньте.

Дальние гимны,
кроны секвойи,
вольному – воля.

* * *

Взрослые в офисах смотрят в компьютеры,
прячут тела от жары.
Дети перловиц едят перламутровых
и открывают миры.

Ветер песком засыпает лопатки им,
ряска цветёт на воде
грязной, захватанной – но между схватками
жизнь проникает везде.

Жизнь победит – ясноглазо и радостно,
сбросит налёт блатняка
чистый язык, многоцветный, как радуга,
сдержанный, будто река.

Лето им кожу прогреет до косточек,
вызреют, смогут, взлетят,
выправят курс и отбросят всё косное,
нас, неразумных, простят.

* * *

Лети, поэма,
мы застоялись
в дурацкой пробке.

Гостеприимной
луны тоннеля
мы избежали.

Совсем забыли –
у нас есть крылья.
Мы слишком робки...

В лесу с волками
есть просто камни –
не всё – скрижали.

Я мало знаю,
но мыслю ясно,
но плохо помню.

Но гасну долго,
остаться в прошлом –
при жизни пошло.

Что колосилось –
ушло на силос –
гуляет поле.

Я не сумела
настолько смело,
насколько можно.

Глаза боятся,
а руки-крюки,
а стих наивен,

заносит слово
культурным слоём
тоскливый ливень.

* * *

Я сегодня слепая и косная,
я спала с четырёх до шести,
я одно поняла – дело к осени,
только мне до неё не дойти,

только нет ни линейки, ни правила,
отделяющих твердь от воды,
глупо две бесконечности стравливать,
на обеих оставлю следы.

* * *

Отрастающий пух обнажённых гусей
будет снова ощипан – с живых или нет,
мы проснёмся не все, мы вернёмся не все,
наши файлы сотрутсЯ на флешках планет,

что ж так биться о своды тюрьмы черепка,
это ж даже не рукопись – это фантом,
нас так много, да кто нас прочтёт – но пока
не уложится в рифму – мне дом мой не дом...

Если это болезнь, некий стыдный недуг –
что ж так свежи и радостны несколько строк,
упорхнули на ветку, зовут меня, ждут,
я туплю, я терплю. Мне презреть бы урок,

мне становится тесен эзопов язык –
оттого, что Эзоп был рабом, как и я,
это ж в детстве ещё постигают азы
расписного матрёшечного бытия,
то, что есть,
то, что больше меня,
то, что Бог,
рай – он рядом, но я утратила ключи,
отчего же не брошусь назад со всех ног –
в нищету, в это счастье сорвать с себя чип,

там, где моят в горах золотую тырсу,
где пасут жеребят, птицы яйца несут,
там полощется в воздухе самая суть
в светлом буковом строге и юном лесу.

* * *

Дождь над рекой – и тут же, следом, всходят
зародыши, фасолинки дождя,
и ты уже рискуешь слиться с фоном,
вдоль прочерка сырую нить ведя,

да, взвешенность, весы и вёсла, вести –
и невесомость к совести свести
и вывезти. Весталки легковесны
и ветрены. Всего до десяти

сырых секунд от молнии до грома –
и ты уже не помнишь первый том
своей стези, читаешь иероглиф
чудес, пришедших шёлковым путём,

там рыбаки и лодки, соль и цыпки,
босые ноги, твой нездешний час,
там рыбы серебрятся и молчат,
фламенко брызги кастаньеты сыплют...

* * *

Всегда остаётся хоть что-то для будущей сказки –
завязка сюжета, намёк на желание героя,
пучок перспектив, не сулящих понятной развязки,
возможность опять уклониться от общего строя,

всегда есть цепочка, хоть ниточка, краешек скотча –
потянешь и выйдешь внезапно в осеннюю рощу,
и слово наивное падает в жирную почву,
и видишь, насколько всё было сложнее, и проще,

и ярче. И дерево жизни ползёт и ветвится
змеистыми мыслями, формами гнева и света,
и корни его обнимают нежнее планету,
и крону его навещают нездешние птицы,

герои с большими сердцами и маленьким мозгом
страдают, рыдают, сдают и сливают, что можно,
а хищные вороны свет заслонили крылами
и лижет подножия башен ползучее пламя...

Я снова приеду – знакомиться, а не прощаться,
глядеть, ликовать, открывать и записывать в строку –
платаны, бакланы, жасмины, и ямбы, и тропы,
пока не накроет туман пеленой без пощады
и не засияет, рекой притворяясь, дорога.

* * *

Этот шов угловой – позвоночник судьбы –
мастер выровнял, карму исправив мою
до прямой столбовой, до впадения в быть
из фатальной привычки стоять на краю.

(Эти чудо-карнизы – да в руки твои –
как они воссияли бы миру! – сполна).
Сложность века минувшего, город, яви,
пробудись от предсмертного дряхлого сна.

Десять греческих слов со значеньем любовь –
небогатый, но яркий словарный запас,
золотой, ведь о главном – захватим с собой
в переход между смыслами. Трасс полиспасть,
от конца до конца по пути два кольца,
три развязки и пять небольших эстакад –
скоро встретимся; снова того колеса
ускоряем вращенье... Расслышишь «Санса... –
и отключишь мыслительный свой аппарат.

* * *

Я забыла, как звать моё слово,
среди сотни волшебных имён
затерялось, уже не готова –
дикой птицей... Вот разве что сон –
всё по Гоголю – ведьму покажет,
я узнаю себя по строке
и составлю натальные карты,
и по ним полечу налегке,

дифирамб – то есть дважды рождённый –
ветру, воле, траве и волне –
станет радугой, дикой жердолой,
Афродита поможет влюблённым,
а глаголы вернутся ко мне.

* * *

кто-то рушит ленина
кто-то – мефистофеля
кто-то ставит платова
кто-то славит сталина

с плясками, цыганами
с пьяными медведями
с прочими причудами
непластичной психики

мы ж без роду-племени
ни отца ни матери
ни стыда ни совести
круглы сиротинушки

11.

*Кожницами хвоста
раскроил тишину.
Это мне – пустота.
Он, ныряя в волну
плотного, как кисель
воздуха сентября,
в нём гортанную трель
проронил – только зря.
Протекая сквозь строй
в облаках и крестах,
звук стирает порой
свой непрочный кристалл.*

Прощание

Не дано удержать эту вольную птицу.
Поредуют ряды молчаливых трибун.
Не дослушаю «Стикс» с гениальным альтистом.
Не услышу мольбу. Не замечу табу.

Так ревниво несла, так неровно дышала –
только Красный Цветок всё равно догорит.
Это сон – и будильник своим дребезжаньем
разбивает хрустальную вазу зари.

Пусто. Новая вечность начнётся не скоро.
Как чиста темнота... Как легко... Как светло...
Утоливший на миг одиночество взора,
засыпает мой вечноголодный циклоп.

Притяженье земное главней этикета –
я кометой над лесом ночным пробегу
и в свою неприкаянность спрячусь до лета –
в ней, как рыба в воде, как травинка в стогу.

Даже не захлебнусь опереточным смехом.
У медали, как минимум, три стороны.
Будем дальше взростать с переменным успехом,
притворяясь, что мне все четыре видны,

расставаясь с секретами Полишинеля,
отвыкая любить, отвыкая хранить
и вдевая в игольное ушко тоннеля
непокорной дороги суровую нить.

Бесполезно соперничать с хваткой железной.
Пролетая над бездной, себя оброну.
И клыкастые стылые звери созвездий,
процарапав броню, проберутся к огню...

Юбилейное

Первое действие кончено. Всё хорошо.
Я пропускаю больничную сущность антракта.
Бродим по сцене – уже пережившие шок
и осознавшие недолговечность контракта.

Все повзрослели, и маски уже не нужны –
даже из этой одёжки порой вырастают.
Точки над і – словно чайки над гладью волны –
не улетает крикливая жадная стая.

Время уже не сметёт – я послушная дочь,
в меру трусливая – так, чтобы не быть убитой.
В бедной подкорке старательно смешивал дождь
трезвость прагматика и фанатизм неофита.

Главное «но» в первом акте определено –
и в облака по спирали суровая проза.
Вот, повезло – небольшого таланта зерно
ладно легло в благодатную почву невроза.

Я не младенец, и я не боюсь темноты.
Утром опять вылупляться из почки постели.
Только привыкну к суфлёру, скажу ему «ты» –
снова душе обновляться в проснувшемся теле.

После антракта вернутся картинка и звук.
Музыку из ничего шьём живыми стежками
потенциальной энергии взгляда и рук,
взяв напрокат у Него этой радужной ткани.

* * *

Впусти его – вдруг это Бог?
Вдруг он несёт покой и радость?
Он – дождь, взошедший на порог,
с ведром воды, с холодным градом,
он – молния на небесах
твоих, как пень убогий ясных,
впусти, не рассуждай напрасно,
пусть он не бог, а просто – сам
пришёл к тебе – да много ль надо
скитальцу – хлеба и воды
из глаз твоих. Его беды
залить нельзя – ты просто рядом
садись, и слушай, и дыши
согласно слову и дыханью,
и не ищи в себе названья
своей проснувшейся души.
А вдруг ты – Бог?

* * *

Если колокол бьёт,
золотую листву отражая,
если небо синее воды,
день торжественно-зыбок, –
значит, завтра зима
обнажит прописные скрижали,
слово в строчке качнётся
молочным невыпавшим зубом.

Что кому-то штурвал –
для других колесо обозренья.
На просушку туманы развешены –
кончилось лето.
Бог уже не вверху, Он – везде,
Он во всех измерениях,
мокрой взвесью балует, жалеет,
дарит напоследок.

Ночью шёл звёздный дождь,
а к утру расцвели хризантемы...
Духу тесно везде, кроме неба –
на что ему эхо,
отражения, мнения,
дискурс, раскрытие темы...
Пусть парит, это первое право
детей и поэтов.

* * *

Очень рано... вползает рассвет –
не уснёшь. Воздух утренний пей –
лучше кофе. К подмокшей листве
свесил копыа уставший репей.

Посмотри – ты внутри октября,
во дворце синевы и листвы,
в эрмитаже его янтаря
говорят златогривые львы,

и за сценой звучат голоса –
ты им внемли – хоть речи просты,
но бессмертны. Грунтуют холсты,
возвращаются призраки в сад.

Двухэтажки

Не берусь описать этот цвет –
грязно-жёлтый, лимонно-шафранный,
в нём – подобны истлевшей листве –
штукатурки унылые раны,

а за крышами краны несут
в мощных клювах младенцев прогресса,
долго им пустовать – да не суть,
мы вне области их интереса.

Не престижны, да сносу им нет –
двухэтажным коробочкам нашим,
в них от времени лишь интернет,
но любимы – а как же иначе.

В них пируют во время чумы.
Сколько стоишь ты, жизнь? Сто солидов.
В них блаженствует маленький мир
и от хаоса просит защиты.

В этом доме добры зеркала,
а какие по стеночкам фото!
Ежедневно, такие дела,
Клеопатра идёт на работу.

Лучшей в мире зенитной системой
яндекс радует. Восемь часов.
...Горьким соком травы чистотела
лечат ласточки глазки птенцов.

* * *

Эта сложность – только кажется.
Всё и проще, и понятнее.
Если живо – всё завяжется,
порастёт мелиссой, мятою,
жизнь щедра, давай надеяться
даже там, где всё повыжжено...
Агрессивна красна девица,
не на шутку разобижена.

Книги все уже прочитаны,
на эпитафии разобраны.
Если вы такие умные –
почему такие мёртвые?
Но молчат на стенах классики,
усмехаясь – не отвертишься,
вытесняет даже свастику
в подсознание человечество.

Бесконечное не познано,
безупречное не узнано,
пальцы пахнут хризантемами,
белоснежным стеблем крокуса.
Недодал Господь стержовности,
не сбежишь от горькой робости,
не хочу другого глобуса,
не хочу на этом – в узники.

Деревеньки вологодские
с неприличными названьями,
на детекторе проверено –
тут Россия настоящая.

Трудно жить в зеркальном городе –
отражениям названивать
в анфиладу – да? – секвенции,
в бесконечность уходящую.

* * *

Чёрная сотня не любит учёных,
умных, очкастых, изящных, изнеженных,
стая грачиная помыслов чёрных –
яркое, светлое – надо прорезживать.

Дело не в нации – били по роже
разных студентов – интеллигентов ли,
чтобы не портили нам молодёжи,
всех изувечим, разрушим, как Гернику,

вашу культуру, науку, историю,
ваши права, либеральные ценности.
Бейте, спасайте Россию, которая
всё не решается на крематории,
всё утешается снами бесцельными...

Социалистов, жидов и поляков
дворники бьют, мясники да лабазники.
Злобы хтонической тёмная слякоть –
нынче такие на улице праздники!

До МГУ от Охотного ряда –
недалеко, хватит лодку раскачивать,
жги либералов, бей демократов,
после прикроешься справкой от Кащенко.

Бейте, спасайте – от неотвратимого,
Вот оно движется, с запада, видимо –
не изнутри же... Вернём примитивное,
будем Россию спасать – ненавидя...

* * *

Очевидно, он есть, да, и он, очевидно, не фраер,
мы порой – фраера, но смиряемся в собственных путах,
не хотим быть свободными, с вечностью в прятки играем,
даждь нам каждое утро – единственным, как первопуток.

Город жрёт моё время – вечернее, сплошь золотое,
превращает его в разный хлам, насыщает бензином,
так бездарно, безбожно, и в пробках стоит пол-Ростова,
а в глазах светофора – каскады снежинок-слезинок.

По стеклянной и скользкой дороге несую свою радость –
осторожно, иначе расплещешь закат между ставен,
заплетаю в косички лучей непокорные пряди,
изумляюсь, как Золушка, разве что в три раза старше,

и куда же мне деться от этого глупого рая,
от витальности, рвущейся в мир без причины и визы?
Как сквозь заросли дикого тёрна, сквозь жизнь продираюсь,
на дороге перчатка валяется – видимо, вызов,
очевидно, он есть, да, и он, очевидно, не фраер.

29 февраля

Лишний день в году – даётся сложно –
некая избыточность трактовки,
ведь – зима кончается в итоге? –
но обидно, муторно, тревожно,

далеко до майи травянистой.
Снежный март, косые солнца блики,
выходи, горыныч многоликий
агрессивных перфекционистов.

Улыбнусь фальшиво, выпью чаю.
Выйду в мир в отчаянном молчанье.

Чай – он с мятой, от которой мягче
кашель, боль сердечная и голос.
Утром в мире всё ещё понятно
и король покуда спит и голый,
и глаза своих не видят строчек
и ночные бабочки на окнах,
хватит унижительных отсрочек,
опозданье – неизбежный омут –

голову сломя, углы срезая, –
всё равно не выведет кривая,
не смягчит удар на повороте,
нет пути – по кочкам на болоте,
по чужим полям незваной гостьей,
нет покоя даже на погосте,
лето где-то без пути и следа,
но планете не сойтись с планетой
в поле притяженья-отторженья,
напряженья, вечного движенья.

Выходной

поэт от бога сирота
все начиная от Христа
я лягу на полу в углу
с деревьев буду есть смолу
нет транспорта уйду на двух
проваливаясь в хрупкий пух
оставлю тёмные следы
зажгу две поздние звезды
несложно яжеинженер
огонь гуляет по стерне
а мысли, как и комары
не входят в правила игры,

с утра не поднимая век
опять качу свой камень вверх.

ЛЕСТНИЦА ТАВРОВ (крымский цикл)

* * *

Алупка – улочки такой нелепой лепки,
что с губ не сходит детская улыбка
от нежности... Инжира, моря, хлеба –
и времени... Уж если что и зыбко –
так это равновесие покоя,
единственно разумное решенье
во мне и в мире – здесь впадать рекою
в твою лазурь... размокшее печенье,
надменный лебедь, царственные клёны
и кедры... Праздник – здесь, а я – уеду?
Магнолия, прими в свой храм зелёный –
в дождь умирать – хорошая примета.

И притворяясь беззаботной птицей,
и покоряясь имманентным ритмам,
я снова умудряюсь заблудиться
в твоих плющом увитых лабиринтах...

Дендрарий

Из можжевельника браслет –
он укрепит иммунитет,
а лавровишня нервы успокоит,
а чёрный лебедь белых бьёт,
а белочка в ветвях снуёт
у пинии – а может быть, секвойи.

Здесь у деревьев нет имён.
Его я называла – клён,
но он сложнее зовётся на латыни.
Что имя? Чтобы рассказать
другому дикарю? Азарт,
не больше, – знаешь, сколько видов пиний?

В раю – нужны ли имена?
Здесь молча всходят семена
и сквозь ажурный сумрак льётся солнце
на лотосы и лебедей,
на бедных изгнанных людей,
глядящих в божий мир со дна колодца.

Ты здесь не дома. Не мечтай
возделать и удобрить рай,
сесть на пенёк, съесть пирожок с грибами.
Робей, исчезни, внемли. Тут
ни хмель, ни солод не растут,
ни стрелки лука с белыми шарами.

Новосветское

Внутри Орла семь километров штолен,
заполненных шампанским «Новый Свет»,
а под горой вылизывают штормы
давно разбитый о скалу корвет.

А что плохого в глине и деревьях?
От волнорезов крымский бог хранит,
прекрасное морское побережье
пока не упаковано в гранит.

Коррупциозность жертвоприношений
не обуздала произвол стихий.
Дракона Капчика хочу обнять за шею
и прошептать в ушко свои грехи.

О, Ты умеешь исчезать с радаров...
Но здесь, в раю, светлеют без борьбы
и заливная бархатистость карих,
и острый нож сверкнувших голубых.

В пушистом хвойном небе Меганома
нелепо запрещать себе летать.
Моё перо умеет так немного –
не рунам можжевеловым чета,

не воздуху густому с пышной пенкой,
не треску сокрушительных цикад.
Балует терракотовым оттенком
струящийся с балкона виноград.

Избави бог всё понимать буквально –
деревьев узелковое письмо,

вулкана гнев, земли перинатальный
фатальный бред, восторг нелепый мой.

Напомнишь – не твори себе кумира...
не под слезу заточен этот стих.
Я разрабатываю эту плоскость мира,
но я при этом помню о других.

Крым. Новый Свет

Стволы можжевельника жгутом перекручены
и солнцем отбелены – встряхни да развешивай,
и корни их – змеями, и кроны их – тучами,
и ветви кривляются чертями да лешими.
И солнца – немерено, и волны – нескитаны,
и рай мне не светит – сейчас надышаться бы.
День плавится в вечности – распадки, лощины ли,
обрывы ли строгие, утёсы тишайшие...

* * *

Что эту вишню делает японской?
Изломанность пушистой гибкой кроны?
Как у адепта, принявшего постриг –
в слепом порыве головы склонённой.
Крым – в инородной пластике растений,
в мифологизмах битвы света с тенью,
в пейзажах – не с берёзкой да савраской,
а с безоглядной страстью самурайской.

Так неохотно почки раскрывались –
простая дань пустому ритуалу.
Как робок расцветающий физалис.
Ты прав – у моря женское начало –
взять берегов изогнутость и плавность,
невинный сон в сиянье безмятежном...
Давай сосредоточимся на главном –
как утро осязаемо и нежно.

Так что ж, теперь дежурным поцелуем
день начинать, едва заголубевший?
Боюсь, наш мир стоит не по фен-шую.
Я не опасна, но не бесхребетна.
Лоза струится вниз со всех карнизов.
Я тоже – жизнь, и я бросаю вызов.
Вливается глубокий альт озона
в сопрано свежекошенных газонов.

Я прогоню дурное ци – умею.
Не доверять себе – ну сколько ж можно?
Дракона Капчика пора обнять за шею,
не отягчая больше карму ложью.
Разбери мне снова эту рану –
шаманская болезнь три года кряду.
Нарву имеретинского шафрана
и конопли – для колдовских обрядов.

12.

*Как хорошо – укрыть дитя крылом
и защитить его своим теплом,
и ощутить его – всего-всего,
не знать, не слышать больше ничего. . .*

*А человечьи руки так тонки –
не заслоняют от боли и тоски.*

* * *

Что ни осень – болдинская. В тучах
что-то стонет, просится наружу,
в слово. Я каштана шар колючий
расколю – но тайны не нарушу,
унесу в руке... И полнолуний
непечатый край – в свою воронку
тянет море, мысли, слёзы, струны,
врёт альтернативно-благородно,
вынимает душу графоманью
и творит фальшивого кумира...
привожу в порядок мирозданье
в меру сил и смелости. И с миром
засыпаю. Но ему не спится,
мир вершит свою слепую волю,
кормит птиц с руки духовной пищей,
а меня духовным алкоголем
спаивает – за упрямство, дикость
и за аморальные издержки.
...Сапоги облезли, прохудились,
ни дождя, ни критики не держат.
Сквозь плотину ручейком – привычка
расколоть каштан, поймать на спуске.
Веселит народ косноязычно
надпись «тише едешь – меньше русский»
на капоте. Но спешить? По хляби,
по листве, которой надышаться
невозможно. Золотой октябрь
с варварскою роскошью ветшает.
Человек, зомбированный степью –
застегну на молнии все чакры –
холодно. Восточный ветер треплет

обещанья чад и домочадцев.
Ты в аптеку? Принеси мне яду!
Надо же к зиме готовить душу.
Лягушачья кожа авокадо
и хрустальный вкус китайской груши –
до весны дотянем. Лёд облезлый,
злая метель в пустых аллеях...
Мало не покажется им, если
ты ко мне глобально потеплеешь.

* * *

*Дорогу измерит идущий,
пространство покроет летящий.*

С. Суцкий

Родной хризантемовый запах
опять возвращается в город –
наверно, из рая. Погода
и правда сегодня такая.
В волошинские пейзажи
туман обращает предгорья.
В его пустоту и свободу
покорно и грустно спускаюсь.

Автобус-дракон поглощает
свою добровольную жертву.
Дорогу осилит идущий.
Коня оседлает летящий.
Кто знает – молчит интровертно,
а кто говорит – тот не знает.
Вам кофе в постель или в чашку?
Согреть онемевшие души

и выпить, что Чехов пропишет,
и сняв притяжения глыбу,
пройти по промокшему небу –
и снова уйти в несознанку.
Молчит можжевельной рыбой
и делает вид, что не слышит,
блестит непрощающим снегом
посланник – по-гречески ангел.

А мира уже не исправить –
зачем ты с меня начинаешь?
Считает себя просветлённым –
такой и зарезать может.
Я вынесу, переморгаю
сермяжной морали приправу.
И пахнет сырым и солёным.
Не липким. Не кровью, а морем.

Старочеркасские терцеты

Дышите ровно. Без меня.
Я выйду за пределы дня
сквозь луч стены, что вам казался плотью.

Нет ничего плотнее шор
на оба глаза. Порошок
их растворим в осенней позолоте...

Не потревожу интернет.
На телефоне денег нет –
не созвонимся. Встретимся в астрале.

Тревогу дня, горячку лба –
на колокольню, к голубям,
к ворчливым гнёздам в лестничной спирали.

Здесь нет ни мыслей, ни лица.
Мир хижинам – и мир дворцам,
вьюнкам, ромашкам, розам, гиацинтам.

Автобус без меня уйдёт,
останусь мокнуть под дождём,
как рудимент уехавшего цирка.

Уйду, дороги не спросив,
и кто-то, выйдя из такси,
пройдёт по мне сканирующим взглядом.

Так ничего и не поймёт,
поскольку всё наоборот:
щи – постные, а жемчуг – то, что надо.

У предвечерного окна,
по горло, до краёв полна
идиотизмом деревенской жизни,

займусь прополкой запятых
и ловлей рыбок золотых
в тетради школьной в голубую жилку.

* * *

Когда зажгутся звёзды хризантем
за каждым покосившимся забором,
и за очками, за чужим зонтом
от холода и ветра не укрыться,
ты закури. Пока летит тотем –
последний лист, хранящий этот город,
всё хорошо. Оставь же на потом
привычно покосившиеся лица.

Ты болен осенью. Паршивая болезнь,
при осложнении переходит в зиму –
и всё тогда. За бодренькой рысцой
не спрячешь пустоты своей и страха.
Ты в этот тихий омут зря полез –
твой долг щелчком растянутой резины
доходит через заднее крыльцо
и с клёна рвёт последнюю рубаху.

Сюда нельзя – моральный кодекс прост.
туда опять нельзя – шизофрения.
молчи и жди, когда калека-мост
залечит позвонки свои больные,
и рассосутся пробки (тромбы вен
Садовой, Портовой), и трель резная
стократно повторится в голове,
как Отче наш, которой ты не знаешь.

* * *

Навсегда развели Ворошиловский мост,
так и входит в сознание вечности след,
так и входит понятие возраста в мозг –
под созвездием Лоха, на грешной земле.

Первобытная дикая стынет вода,
Ирод мальчиков режет – так было всегда,
хоть на пляжах полно золотого песка,
и волхвы – Мельхиор, Балтазар и Каспар...

Он – не царь, просто мелкий жестокий царёк,
потерявший реальности светлую нить,
отдавать ему честь, делать под козырёк –
или души бессмертные наши хранить?

Раз в пятнадцать столетий вулкан говорит,
вулканическим пеплом накрыло Мадрид,
самолёты блуждают в искристом дыму,
заслонившем прозрачную звёздную тьму.

Ничего не меняется, просто течёт.
Ирод мальчиков режет, но это не в счёт,
дети грязных подъездов, разнузданных нот,
жертвы хлорки, загруженной в водопровод,
городские плебеи бездарных господ.

У ДК сам Ильич указывает перстом –
порыжевший, немый, и страшный притом.

* * *

Невысокие, гладкие мшистые глыбы,
кашемир синеватый и в зелень – парча,
я сучаю по вашим курчавым изгибам,
как по ямочке ниже родного плеча.

Гравицапа жень-шеня закончилась рано,
волосатых деревьев безлиственный лес
из Австралии... Лето вернет бумерангом
всё, что осенью брошено в прорву небес,

без встревоженных птиц опустевших и горьких.
Этот запах – из памяти, из глубины –
где тут химия, где чудеса из подкорки –
отчего мы листвою больны и странны,

что за притча – усталым, живущим в железе,
покорителям, рвущим на новый виток –
как в слепой и безжалостной зелени леса
тает тихий и трепетный синий цветок.

* * *

День рожденья – дождь и хризантемы,
в мокрых окнах звёзды фонарей,
в мокрых листьях – детские тотемы
и маршруты всех пяти морей,

только мой маршрут никем не пахан
и не юзан, разгребу листву,
на большой горячей черепахе
через это море поплыву.

Виноград переплетён и спутан,
нет и близко пасторальных форм,
не поддамся слабости минутной,
не начну описывать стихом.

Не желая быть несправедливой,
я отмечу вашу прямоту,
только я ж не доллар. Вы могли бы
обойти мой месседж за версту

и читать других – про вдохновенье,
что прекрасен мир, крепка семья,
и насколько выше муравейник
одного дурного муравья.

Мне – к чему красивая развязка,
право, разрешение, патент?
Детям не мораль важна – а сказка.
Зачеркну свой жалкий хеппи-энд.

* * *

Чай, подстаканник, море за окном,
едва проснулась и боюсь сфальшивить,
испортить мир наивностью... Бином
Ньютона – все мы только морем живы,

из моря вышли. Возраст суеты
уже не терпит, чай на дне стакана,
пора стереть случайные черты
и вовремя прочистить все вулканы.

Полмира спит, укрыв тела от звёзд
и комаров. Вторая половина
выходит к морю, дышит в полный рост
и отдаётся радости невинной.

* * *

А главное – что всё-таки мы живы,
и всё ещё серьёзными не стали,
расцвет пиратства в Аденском заливе
уютным светом соляных кристаллов

нейтрализуем. Так легко – сорваться
и выдохнуть – я больше не могу.
А мы с тобой умеем распрямляться,
как тетива, согнутая в дугу.

Неправда, что счастливым бог не нужен,
но боль трусливо уползает в сны.
Не нам кричать – спасите наши души –
что-что, а души наши спасены.

Где тонко – там и рвётся? Тоже верно.
Срываются от крика голоса.
Не толстокожи мы. Так может, нервы
из лески той, что крепит паруса?

* * *

Абонент вне зоны действия земного притяжения,
на запястьях водяные знаки вен неровной сеточкой,
очень важно жить, бежать, не останавливать движения,
говори, гляди, дыши, не опускай ресницы, деточка.

Болевой порог твой устремился к бесконечности –
избавляет стылый космос от ненужного страдания –
иногда. А мы остались, захлебнувшись поздней нежностью,
о которой – что ж молчали, кто мешал сказать заранее...

* * *

Мокрый снег, нулевая погода,
переход состояний, портал,
зомби света и времени года –
ветви мокрое держат,
устал
весь изрытый проспект
от нагрузки,
только вниз, только вниз
не смотреть,
это очень светло и по-русски –
в нарастаявший снег умереть.

* * *

Я без солнца живу недолго,
я ж на солнечных батарейках.
На дисплее круги-восьмёрки –
бесконечность – и всё, погасла.
Мониторингу чувства долга
удаётся взбодрить, но редко,
подхлестнуть той петлёю мёртвой
и бескрылой – хожу ногами.

Берегу, как синицу ока,
журавля моего восторга,
стихоточки и точки боли;
странно, нам ведь давно не тридцать,
а мы всё ещё так жестоки,
недоступны пока для торга,
не умею – ромашкой в поле.
не пытаюсь – из клетки птицей.

Мы-то думали, можем сами.
Это Ты – бесконечен, млечен –
многоликостью трав и знаков,
беззащищённостью дикой розы.
Не срастаемся полюсами,
зарастаем цветистой речью,
гаснем пригоршней тусклых знаков
и должны, как земля колхозу.

* * *

Сколько звёздочек-листьев нападало!
Спи, дворняга, успеешь набегаться.
Так хозяев никто не обкрадывал –
видишь, солнышка нету, и деревца
золотого. Не лай вслед за утками –
высоко... Не догонишь, умаешься...
Им – за долгими лунными сутками
в антимир зазеркалья, за Манычем.

Воздух лакомый, терпкий, отчаянный,
тучи ластятся, шитые гарусом,
где-то в них наши взгляды встречаются,
преломляются и разбегаются.
Листьев нет – у деревьев каникулы.
Бисер ягод да прутья зелёные –
весь боярышник. Будь, что бы ни было –
толерантность к неопределённости.

Город смотрит в глаза кошкой палевой –
чуть надменно, но в целом доверчиво,
как подросток. Листва между шпалами –
однозначно к зиме, гуттаперчевый,
осторожный намёк, откровение.
Но душа, в эйфории беспочвенной
не вкусившая лотос забвения,
не отпустит фантомного поручня.

В странный цвет небеса загрунтованы –
ненадёжности, бренности, табора,
с подкупающей трезвостью тоники
и воды, как древнейшей метафоры.

Мысли спутаны тонкими нитями,
льётся прана изпряного воздуха,
где старательно, неукоснительно
догорают кленовые звёздочки

* * *

Кто так коротко выстриг газоны?
жалкий ёжик трёхдневной щетины
на ветру, виновато-зелёный,
схвачен инеем. Рву паутину,
никого и ни в чём не неволю –
даже можете зубы не чистить,
не иду в поводу у тревоги –
хватит поводов, только причины.

Время нежных цветов отпылало –
терпкий, пряный горчит палисадник,
жёлтый, синий, и жёсткие стебли
не согнут непокорные шеи.
Мост уходит трёхмерным лекалом
к горизонту, бесстрастным глоссандо
резкий ветер акации треплет –
так позволь себе всё, что умеешь.

Мы так редко себя отпускаем
полетать над прощёной землёю,
но на то и октябрь. Суетимся,
всё надеемся – может, успеем.
Но молитвенник на аналое,
и гроза где-то ходит по краю,
обессилен. Прощаются птицы,
и уже распеваётся певчий.

Каждый лист подержать на ладони –
будто карты лежат вверх рубашкой,
будто ждёшь там увидеть такое,
чего не было сроду в колоде.
Но с улыбкой фальшиво-парящей,

как ворона над аэродромом,
мне предложат – коньяк или кофе,
стылый чай, разговор о погоде.

Лишь октябрь – он не может иначе –
мокрой подписью, синей печатью
заверяет в туманах творожных
наше право на вдох и на выдох,
и в объятиях сумерек прячет
суеверно иные объятия –
в лицах дождь и листва, невозможность
быть друг другом – исчезнуть из виду.

* * *

Хэллоуин. Листья в последнем круженье.
К нашему дому прибился щенок
и не уходит. Его отраженье
в небе калачиком. Снизил порог –

стрелы вонзаются точно и кучно,
но не в десятку, а все – в молоко.
Гонит и гонит по синему – тучи,
листья, туманы, упрямых щенков...

Белый без рыжего скушен и пресен.
Шёлковы рыжие кудри огня.
Город контрастов кострами потрескивал.
Хэллоуин, пёс, посули за меня.

* * *

Солнца нет, но листья желтизна
создаёт ощущение тепла.
Как щедрь напоследок тона,
как вольна их недолгая власть.
Сквер светлеет пронзительным светом –
но пока наверху крановой.
Не надышишься впрок бабьим летом –
всё зима изымает с лихвой.

Там, где сладко дохнуло травой,
и подсолнухов плавился рай,
и тебя отпускало – конвой
чувства долга, тревог мишура –
не укрыться. Отчаялись листья
на последний и сладкий пожар.
Чтоб держаться на месте, Алиса,
будем долго и быстро бежать.

Я люблю непослушных детей.
Что взойдёт – то и будет травой.
Завтра день – без щедрот и затей,
но пока наверху крановой.
Я бегу – но течение сносит –
да была бы вода глубока
и пронизана солнцем по осень,
до последней страницы – река.

Хризолит, аметист и топаз...
День бы времени. Час тишины.
Захлестнула удавку тропа
жёлтых рек и сожжённой стерни.

Стойко держится против течения
стаяка рыб – в бирюзовой, живой.
Солнца нет – но тепла ощущение.
И пока наверху крановой.

Ноябрьское

Как сладко... Свет, булжники, трамвай,
я не спешу, моя свобода в пальцах
песочком золотистым... Я права,
как этот лист – свободна плыть, распасться, –
невежливо, неправильно, некон-
структивно, даже выпендрено и льстиво –
в ритмический рисунок облаков
последнего осеннего разлива.

Звук смс-ки – как такой укол,
короткий, но, надеюсь, благотворный.
Боюсь читать. Осадок не прошёл,
всё будет хорошо – почти бесспорно,
в заброшенном строенье – луч в углу,
волшебный запах мокрой штукатурки.
Уловлена настилом за каблук,
учусь смиренью у афишной тумбы.

Я трону пальцем лёд – и он вода,
я заморожу взглядом – снова льдинка,
уже не отражает провода,
а сохранит ажурный след ботинка.
Как мало надо – воздух ноября
и гибкость позвоночника, бесценнок
дыхания, листва из янтаря,
волос зелёно-яшмовый оттенок.

* * *

Уж наступил.
И надо ли стремиться
последний луч надрывно проследить.
Честнее отрешиться от амбиций,
вдышаться, раствориться.
Парадигм
октябрьских много,
вилами по водам,
седьмой водой на синем киселе –
что будущее наше веселей
Четвёртого крестового похода.

Хочу к себе, в ноябрь.
Где синим небом
затянуты прорехи бытия,
где рыжих хризантем петушки гребни
невозмутимой отливают медью,
страх глубоко под корни затая.

И потекла цветная кровь по венам,
и заструились краски по холстам,
сбежать бы из-под этого моста,
от тех, кто ни во что уже не верит,

грех пустословья
замолить молчаньем.
Когда есть крылья –
нужен парашют,
иначе – плохо.
Вацлавом – отчаянно –
над бездной – зависаю...
И вишу...

* * *

Погода мне равна, а я погоде,
сливаюсь с клёном, осыпаюсь ливнем,
не просыпаюсь... Небо на исходе,
и дождь косой сечёт обочин глину,

стать маленькой, улиткой притвориться,
кокетливо-жеманный утлый домик
нести в себе, любовно и трагично
копаясь в узелках его спирали,
не зная и не ведая морали,
стыда и долга,
потому что птицей –
опасно... вот летать бы разучиться...

* * *

День в золоте – из тех, что напоследок.
Не вынесу. Оставь мне хоть пырей...
Не уходи, моё большое лето,
нанизывай на нить календарей
свой крупный жемчуг – лозы над рекой,
созвездия иссиня-чёрной хвои.
Моя задача – сохранить покой.
Мне драгоценен каждый квант покоя
и вечности. Не донесу тепла
до марта – но унынья не приемлю.
Я не одна – за то, что умерла,
зерном пшеничным проронившись в землю.

Содержание

<i>Наталья Борисова. «В каждой луже – Венеция. Истина в каждой погоде»</i>	5
1. «Они не знают зеркал...»	11
«Лес рубят – щепкой улетаю...»	12
«Там, волнуя траву, мягко стелются овцы...»	13
«В огороде бузина...»	14
Автобус Ростов–Одесса	15
«В резиновом автобусе веселье...»	16
«Я с годами сильнее привязалась к Итаке...»	17
Поэт в своём отечестве	18
«Катерок пожарный на закате...»	19
Ева	20
«Саламандры лесов подмосковных ещё не натешились...»	21
«Где же дяди и тётки, которых я видела в детстве?...»	22
«Свет не сходится клином – он в принципе создан иначе...»	24
Площадь 2-й пятилетки	25
«Научи меня, Господи...»	26
Русскому языку	28
«Сверху падало небо...»	30
«Я родилась в игрушечном раю...»	32
«Это февральский Ростов. Это Кафка...»	34
2. «Не проклой мне висок – он ещё пригодится...»	35
«На изгибе весны, на суставе грозы с потепленьем...»	36
«Твои диктанты всё короче...»	37
«И кризис, и холодная зима...»	38
«Воскресение. Чайно-ореховый омут...»	39
Новый Афон, пещера	40
«Этот город накроет волной...»	42
«Жить можно, если нет альтернатив...»	44
«Истеричный порыв сочинять в электричке...»	46
«Диктат языка начинается с табула расы...»	48
Ушедшему лету и новому фонтану на набережной.	50
Александр Соколову	52
«А снег так и не выпал. Он кружил...»	54

3. Ласточке	55
«Когда проходит время сквозь меня...»	56
«Модем зарницы мечет. Тень от люстры...»	57
Домбайское	58
«Не стало блаженных – и кто нам предскажет пожары...»	60
«Только в пять выхожу...»	61
«Декабри не кончаются, это пустые листы...»	62
«Мой двор, лоскут вселенной отрезной...»	64
«Полусонной стопой зацепившись за стебель колючий...»	65
«Иногда в этом воздухе ложно-весеннем...»	66
«Ключ легко повернулся в замке...»	67
«Откуда столько влаги – в январе?..»	68
Планете	69
«Как можно в поезде – читать?...»	70
«Мы дети Марфы. Это не изьяны...»	71
Скрипач	72
Кошка	74
4. «...отражая, нести молчаливый...»	75
«Полупустой автобус – тоже благо...»	76
«Только дух удалось передать...»	77
«Как уберечь мальчишек от войны?...»	78
«Эти женские танки-ботинки – к войне...»	79
«Правды никто никогда не узнает...»	80
«Ищу, на что бы опереться...»	80
«От рассвета темнеет в глазах...»	81
«Я – то, что слепит парикмахер...»	82
Под Гуково. Зима 2015	83
«Бедный город!..»	84
«Я полагаю, бог живёт в Одессе...»	86
«А когда началась война – утро пахло речкой...»	87
«Я из тех, недобитых, по малости лет позабытых	88
«управляем каждый третий...»	89
«мой зонт...»	90
Эмигрантское	91
«Чем сердце успокоится? Дорогой...»	92
«Дальнобойщики слышат в пути дальний бой...»	93
Дорога в обход Украины	94
«Сначала кажется игрой...»	95

«Да зачем же мне, Господи...»	96
«Запах корвалола – как стена...»	96
5. «Я птица, птица, птица, птица»	97
«Простой и вечный – в генокод записан...»	98
«Твой случай хронический, я совершенно спокойна...»	99
«стих – как цветок, побег – ему укорениться...»	100
«Когда рождается поэма – в жаре, в пыли...»	102
«День такой, что, возможно, случится...»	103
«Новый лист, изумрудный и липкий, постой, не расти...»	104
«Лапкой куриной начертаны в мокром песке...»	105
«Мне поведает шиповник...»	106
«Я горжусь своим возрастом – столько прожить!...»	107
«Вот и снова Ивана Купала...»	108
«Каким языческим богам...»	109
«Такси!...»	110
«Мир, надёжный и прочный...»	111
«Функция этих балконов...»	112
Безыдейное	113
«Не суди...»	114
6. «Пока не чудо, рукотворно...»	115
«Ты моё наказание за Евин грех...»	116
«Я глазами люблю. Ты мне на уши вешай-не вешай...»	117
«И эти хризантемы переулки штaketник невысокий...»	118
«Транспорт мечется в пробках, как шахматный конь...»	119
«А куда ты денешься – нальёшь в стакан молока...»	120
«Здесь раньше был мой дом, теперь – чужой...»	121
«Неутомонность вокзала похожа на жизнь...»	122
«Мой милый кактус, так мала земля...»	123
«...и поражение обрести, как благо...»	124
«Мир наэлектризован. Сотни мыслей...»	125
«Я тебя отпускаю»	126
«Мобильник замаялся – поиск сети!...»	127
Апрельское	128
«Снег идёт, оставляя весь мир в меньшинстве»	130
«Поместись на сетчатке глаза...»	131
«Утешься, без эмоций...»	132
Alter Ego	133
Равноденствие	134

«Это город детей...»	135
«Моё тело – не то, чего я бы хотела...»	136
«Умолкли пушки, музы не вступили...»	137
«Говоришь, Тебя нет?...»	138
7. «Как славно мыть горячий белый камень...»	139
«Ни зимы, ни весны...»	140
«Пять вечера. Локальная свобода...»	142
Проспект Стачки	143
«И Дания тюрьма, и здесь – тюрьма...»	144
«Голова хоть и кость, а болит...»	145
«Обострившимся зрением...»	146
«Вскипело – жердёлы дрожат пузырьками...»	147
Чернобыль. 30 лет спустя.	148
«Вишня – в собственной пене, в стыдливом огне...»	149
«Зимы – как не было. Наверно, страшный сон...»	150
«В море слов неухоженных...»	152
«Звездой в ночи – дежурный магазин...»	153
«Бог есть! – а значит, всё позволено...»	154
«Вот и дом мой становится домом...»	155
«Мир сыплется – но амфибрахий...»	156
«Наверно, кто-то дал отмашку...»	157
Март	158
Начало.	159
Ханами	160
8. «В принципе, несложно быть фламино...»	161
«Вижу в арках моста золотые глазницы лемуров...»	162
«На ветровом стекле икона...»	163
«В том и беда – тем тише, чем весомее...»	163
«Цвета голубого молока...»	164
«Кишка Фейсбука стала мне тонка...»	165
«Если кто-то берёт твоё сердце и жмёт в кулаке ...»	166
Ницшеанское.	167
«Как выглядит тот крест...»	168
Река Чусовая	169
Рождение сюжета.	170
По Гонсалвесу	171
«Лунолика...»	172
«Не успевает вылиться слеза...»	174

«Не мигрень – открылся третий глаз...»	175
«Мы любили цифры в сыре...»	176
КОЛХИДА (кавказский цикл)	
Мамедова щель	177
«Лес сырой и доверчивый, рослый и взрослый...»	178
Поезд	179
«Никуда не спешить и молчать – драгоценная роскошь...»	180
Ливень в горах	181
Лиственница	182
Лаго-Наки	183
Кавказские туманы	184
9. «Я из тех, кому нужен – храм...»	185
«Бессильно платье руки свесило...»	186
«Чай – не водка. Много – вредно...»	187
«Это кто ж это в зеркале?...»	188
«я исправилась...»	189
Ироничное	190
«Я остаюсь твоей аборигенкой...»	191
«Глина скользкая, глину размыло дождём...»	191
«Это дерево дикое...»	192
«Представь, он не умеет плавать!..»	193
«У фотографий не в меру счастливые лица...»	194
«Тебе не до нас в этой мороси...»	195
Путешествие	196
«В день рождения каждый – капельку ребёнок...»	198
«Вот бы мне зимой – это солнце!..»	198
«Непростительно хрупкие...»	199
«Утром спать до восьми – это редкостный дар...»	200
«Половодье, низовка...»	201
АПСНЫ (абхазский цикл)	
В Абхазию	202
«Помнишь сок фейхоа? Монастырской деревни прохлада...»	203
«Здравствуй, рай! Я тебя недостойна...»	203
«Вдоль Гумисты...»	204
«...Хребет диковинного мегазверя ...»	205
«Над Абхазией – дождь...»	206
10. «Календарные праздники вечно некстати...»	207
«Я приеду в июне...»	208

«август – прохладнее строже взрослее...»	210
«Ровно в пять это дерево...»	211
Поезд «Ростов–Москва»	212
«Не ожидала... Сквозь туман стекла...»	213
Метро «Третьяковская»	214
«Я расскажу о Таиланде...»	215
«Автобус. Ливень. Кислорода нет ...»	216
«Что, бумага, нестойкие знаки твои...»	217
«Что от меня останется – брешь в пространстве...»	218
«Мой летящий анапест...»	218
«Плывёт по малому заливу...»	219
Мантры	220
«Взрослые в офисах смотрят в компьютеры...»	221
«Лети, поэма...»	222
«Я сегодня слепая и косная...»	223
«Отрастающий пух обнажённых гусей...»	224
«Дождь над рекой – и тут же, следом, всходят...»	225
«Всегда остаётся хоть что-то для будущей сказки...»	226
«Этот шов угловой – позвоночник судьбы...»	227
«Я забыла, как звать моё слово...»	228
«кто-то рушит ленина...»	228
11. «Ножницами хвоста...»	229
Прощание	230
Юбилейное.	231
«Впусти его – вдруг это Бог?...»	232
«Если колокол бьёт...»	233
«Очень рано... вползает рассвет ...»	234
Двухэтажки	235
«Эта сложность – только кажется...»	236
«Чёрная сотня не любит учёных...»	238
«Очевидно, он есть, да, и он, очевидно, не фраер...»	239
29 февраля	240
Выходной	241
ЛЕСТНИЦА ТАВРОВ (крымский цикл)	
«Алупка – улочки такой нелепой лепки...»	242
Дендрарий	243
Новосветское.	244
Крым. Новый Свет.	245

«Что эту вишню делает японской?..»	246
12. «Как хорошо – укрыть дитя крылом...»	247
«Что ни осень – болдинская. В тучах...»	248
«Родной хризантемовый запах...»	250
Старочеркасские терцеты	252
«Когда зажгутся звёзды хризантем...»	254
«Навсегда развели Ворошиловский мост...»	255
«Невысокие, гладкие мшистые глыбы...»	256
«День рожденья – дождь и хризантемы...»	257
«Чай, подстаканник, море за окном...»	258
«А главное – что всё-таки мы живы...»	259
«Абонент вне зоны действия земного притяжения...»	259
«Мокрый снег, нулевая погода...»	260
«Я без солнца живу недолго...»	261
«Сколько звёздочек-листьев нападало!..»	262
«Кто так коротко выстриг газоны?..»	264
«Хэллоуин. Листья в последнем круженье...»	265
«Солнца нет, но листвы желтизна...»	266
Ноябрьское	267
«Уж наступил...»	268
«Погода мне равна, а я погоде...»	269
«День в золоте – из тех, что напоследок...»	270

Андреева Ольга Юрьевна

На птичьих правах

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 86 А, оф. 536
Тел. +7-921-951-98-99, Савкина Татьяна Михайловна,
+7-911-820-22-47, Галина Михайловна, склад

Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru
Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. +7-921-951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездиновский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₆. Усл. печ. л. 16,99. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №

Ольга Андреева – поэт, автор семи поэтических сборников, а также множества публикаций в российских и международных изданиях – как бумажных, так и сетевых. Публиковалась в журналах «Нева», «Новая Юность», «Крещатик», «Дети Ра», «Зинзивер», Prosodia, «Зарубежные Задворки», «Аргатак», «Письма из России» (Москва), «Южное Сияние» (Одесса), «Веси» (Екатеринбург), «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Дон и Кубань» (Ростов-на-Дону), «Южная звезда» (Ставрополь), в альманахе «45 параллель» (Москва) и «45 – параллельная реальность»; «Наше поколение» (Молдова), в альманахах «Соты», «ПаровозЪ», «Белый Ворон», «Золотое руно», «Белая акация».

Лауреат конкурса «45-я параллель» в 2013 и 2015 годах. Дипломант Тютчевского конкурса 2013 года. Финалист Прокошинской премии в 2014 году. Призёр международного конкурса «Провинция у моря» в 2015 году. Член жюри международного конкурса «Провинция у моря» в 2016 году. Член жюри международного конкурса «45-й калибр» в 2017 и 2018 годах.

Летающие, щебечущие, стремящиеся за пределы строки, успевающие в полете повернуться разными гранями смысла, стихи Ольги Андреевой, конечно же, птицы. А права и даже где-то уже обязанности птиц – летать и петь. Летите и пойте!

Надя Делаланд

Птицы метафор Ольги Андреевой – зачастую витиеватых, но ещё и потому прекрасных – о фальшивых ногах не ведают. Певчие голосистые, они – затейливые пересмешники; они – поднебесные переводчики. Крылатые строки удивляют минорными параболой и мажорными выражениями. Стихи, Ольгой рождённые, – при великом множестве ритмических вариаций – обладают магией узнавания: ба! да это же... Мне, которому судьба подарила живое звучание авторской речи, важно успеть сказать: бесстрашие – вот главное качество хрупкой ростовчанки, плывущей над скукой обыденности.

**Сергей
Сутулов-Катеринич**

Глубина взгляда и дыхания – вот что привлекает прежде всего в стихах Ольги Андреевой

Елена Иваницкая

«Я причастна!» – признаётся в стихотворении Ольга Андреева. Сопричастность времени, я бы даже сказал SOSпричастность – отличительная черта её лирики.

Александр Карпенко

